

НЕВИДУМАЯ СТЕРТЬ

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Евгений Федоровский

Невидимая смерть

«ВЕЧЕ»

2010

Федоровский Е. П.

Невидимая смерть / Е. П. Федоровский — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-7768-7

«Невидимой смертью» это оружие окрестили еще солдаты Первой мировой войны. Мины – гроза и ужас пехоты, а позже – и танков. Мины быстро доказали свою эффективность и потому эволюционировали особенно стремительно. Они стали настоящей головной болью для саперов всех армий мира. О борьбе военных инженеров с этим коварным оружием на полях Второй мировой и рассказывается в романе известного писателя Евгения Федоровского...

ISBN 978-5-4444-7768-7

© Федоровский Е. П., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	11
3	14
4	23
5	26
Глава вторая	27
1	27
2	30
3	35
4	38
Глава третья	40
1	40
2	43
3	46
4	47
5	49
6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Петрович Федоровский

Невидимая смерть

Глава первая

Родина, прости своих сыновей

*Война есть жребий человечества
и неизбежная судьба человека.
Вечный мир на этом свете не дарован смертным.
Фельдмаршал фон дер Гольц¹*

1

Четырехтрубный пароход «Магдебург» отошел от пирса Уолшфиш-Бей поздно вечером 15 марта 1936 года. Утомленный посадкой, заботами о багаже, строгим таможенным контролем, Юстин Валетти едва дождался, когда стюард, пожелав счастливого путешествия, скрылся за дверью. Юстин выключил в каюте верхний свет, прошел по липкому линолеуму к иллюминатору. В черном небе напряженно горели крупные звезды, за бортом. Поднявшись на носки, он увидел рыжую цепочку огней. Лишь в этот момент он понял, что навсегда расстанется с белыми домами под крутыми черепичными крышами, финиковыми пальмами с их плотными маслянистыми листьями, брусчатыми мостовыми, которые днем источали каминный жар, а ночью несли прохладу. Он отплывал к земле предков – в Германию. Оттуда в эти земли когда-то прибыл его дед, военный врач и естествоиспытатель Бруно Валетти.

Почему Валетти? В высшей немецкой школе Виндхука Юстин занялся изучением своей родословной. Он установил, что примесь итальянской крови без остатка растворилась в германской еще в эпоху Крестовых походов и прашуры считались чистокровными немцами. Об этом свидетельствовали выписки из геральдических книг, заверенные печатью и подписью гаулейтера и оберфюрера местной нацистской партии Ханса Дорроха.

Поиски родных корней привели к мысли проследить историю немецких завоеваний на его малой родине – в Африке. Теперь рукопись в двести страниц лежала в одном из его чемоданов. Она начиналась с того времени, когда Германия включилась в борьбу за колонии. К концу прошлого века Британия, Франция, Испания, Португалия, Нидерланды уже растащили все жирные куски. Немцам пришлось довольствоваться тем, что не успели захватить другие. Под их началом оказались Того и Камерун. Неосвоенными еще оставались земли в Намибии.

На них-то и обратил внимание фабрикант из Бремена Адольф Людериц. Он снарядил морскую экспедицию, привлек к командованию ею отставного капитана королевских стрелков Генриха Фогельзанга. Корабль преодолел суровое Бенгельское течение и бросил якорь у западного берега вожделенного континента. На дюны голой Намибийской пустыни высадился отряд. Хотя Фогельзанг происходил из военной среды и сам считал себя военным человеком, он не лишен был коммерческой сообразительности. За сотню фунтов стерлингов и двести ружей он купил у туземного царька участок в полторы тысячи квадратных километров и полосу побере-

¹ Гольц Кольман (1843–1916) – немецкий генерал-фельдмаршал, участник Австро-прусской 1866 года и Франко-прусской 1870–1871 годов войн. В I мировую войну генерал-адъютант турецкого султана, командующий 1-й и 6-й турецкими армиями. Один из авторов теории «тотальной войны».

жья от реки Оранжевой до 26-й параллели южной широты, равные Великому герцогству Люксембург.

Под абсолютно непригодной для скотоводства и земледелия земель европейские первоходцы натолкнулись на золото и алмазы. Сведения об успехах отважного капитана взволновали искателей приключений. Чтобы защитить германские права на эти пространства, к берегам Намибии двинулись дредноуты «Лейпциг» и «Элизабет». В перках запестрели германские флаги, утверждающие немецкое владычество. Вместе с золотой лихорадкой началась и долгая кровопролитная война с истинными хозяевами этих земель: народами гереро и нама. Юстин Валетти в своих исторических записках с восторгом писал о главных усмирителях непокорных туземцев – Курте Франсуа, Теодоре Лейтвайне, Лотаре фон Троте, Риттере фон Эппе, о сокрушающей силе германского оружия – шрапнели, пулеметах, пушках, полагая, что этот опыт пригодится для операций будущего.

1 августа 1914 года в Европе началась мировая война. Через месяц бои перекинулись на просторы Атлантики и в Африку. В германскую Намибию с территории Южно-Африканского Союза² вторглись английские войска. Деду Юстина – Бруно – в то время было уже шестьдесят, но несмотря на возраст он записался добровольцем в Немецкий свободный корпус. Вскоре туда же призвали отца Юстина – Хейнца, который управлял одним из алмазных приисков. Немцы сражались отчаянно и геройски, однако силы оказались неравными. Вместе с англичанами и африканерами³ в британской армии воевали колониальные отряды басутийцев, индусов, бушменов, привыкших к зною пустынь и тропиков. В мае 1915 года пал столичный Виндхук, вместо черно-красно-белого кайзеровского знамени заплескался на мэрии британский флаг. Пленных колонистов англичане распустили по домам, гарантировав неприкосновенность.

Две вести – печальная и радостная – ждали Бруно и Хейнца, когда они возвратились на свою ферму под Людерицем. От заражения крови умерла Кристина – жена Хейнца, но оставила долгожданного наследника. Ему дали имя Юстин. Отец ушел с прииска и занялся сельским хозяйством. В провинции открывались новые рудники, быстро росли города, увеличивалось население. Люди нуждались в продовольствии. Плантации овощей и фруктов, пастбища, где паслись отары овец и коз, стали приносить немалый доход. Хейнец приращивал участки, покупал сельскохозяйственные орудия, обзавелся небольшим рыболовецким флотом, свободные средства вкладывал в акции перспективных месторождений и со временем превратился в заметную фигуру немецкой колонии.

По Версальскому договору Германию вынудили отказаться от заморских владений. Немцы не могли смириться с этим диктатом. Постепенно среди них набирало силу движение за возвращение прежних колоний в Намибии, Того, Камеруне. Глухие раскаты национал-социализма в родном фатерланде долетали до африканских соотечественников. На фермах, заводах, рудниках и приисках, принадлежавших немцам, возникали ячейки нацистской партии. Ее лозунги о «лебенсраум» – «жизненном пространстве» – горячо воспринимались бывшими хозяевами Юго-Западной Африки, которых несправедливо теснили британские плутократы. В Намибии образовалась нацистская организация «Осеева бранваг» – «Брандвахта воловьих упряжек». К началу 30-х годов она уже насчитывала более трехсот тысяч членов. Дети колонистов объединялись в отряды «следопытов», устраивали военные и спортивные игры, совершали по саванне многодневные походы, учились метко стрелять, быстро бегать, ориентироваться на местности, переносить невзгоды, питаясь лишь тем, что могла дать выгоревшая, мало пригодная для живой жизни земля.

² Южно-Африканский Союз – так с 1910 года после объединения английских колоний и бывших бурских республик именовался британский доминион на юге Африки. С 1961 года ЮАР.

³ Африканеры (буры) – народ в Южной Африке, в основном потомки голландцев, а также французских и немецких колонистов.

У деда Юстина – Бруно – был русский друг со странным для немецкого уха именем Миша. При посторонних Бруно называл его Михаэлем, но в домашнем кругу не иначе, как Миша. Русский происходил из дворянской семьи. В Германии Бруно лечил его от чахотки. Миша настолько привязался к своему спасителю, что отважно пустился вместе с ним в Африку. Капитан Генрих Фогельзанг милостиво разрешил Бруно взять русского в помощники санитаря, поскольку предвидел, что в непривычном жестоком климате пустынь его людей будут мучить тропические болезни. В изнурительных переходах и боях Миша из худенького юноши превратился в сильного мужчину, непревзойденного стрелка и бесстрашного телохранителя. Он легко освоил язык гереро, скоро заменив туземцев-переводчиков в лукавых сношениях с вождями племен. Для Бруно и себя он выторговал два обширных участка земли возле устья Оранжевой и Атлантического побережья. С тех пор как Юстин помнил себя, он видел Мишу в неизменной шотландке, пробковом шлеме с москитной сеткой, наполовину закрывавшей крупное, коричневое от загара лицо. За воспитание мальчика Миша взялся бескорыстно и всерьез, со всем пылом нерастратченного отцовства. Его дом, построенный как крепость в приречных дюнах, Юстин считал своим домом. Здесь он услышал о России, такой же далекой от Африки, как Луна, научился говорить по-русски, читал журналы «Исторический вестник», «Русская старина», «Вокруг света», которые приходили сюда с полугодовым опозданием. С Мишей он охотился на буйволов, легконогих аптилоп – орикс. Если же хотелось дичи, они спускались к океану, били гусей, уток, ткачиков – птичек чуть больше воробья с необычайно вкусным мясом.

Осенью, в конце февраля, начинались занятия в гимназии. Юстин уезжал в Людериц. Учился он прилежно, хотя в отличниках не числился. Миша часто навещал мальчика, привозил копченые окорока и колбасы от себя и наказания от отца и деда, всегда занятых по хозяйству и разумно бережливых.

Гимназию Юстин окончил в 1932 году. Об учебе в Германии не могло быть и речи. Оттуда шли сумбурные, противоречивые вести. Свирепствовали кризис, безработица. Остановились на Высшей школе Виндхука. Туда на исторический факультет и поступил Юстин.

Виндхук – это не провинциальный Людериц. Политические страсти здесь горели не менее жаростно, чем в самой Германии. Вымуштрованные в фалангах «следопытов» и спортивных союзах молодые люди устраивали ночные шествия с факелами, объединялись в штурмабтей-лунгены – отряды СА, требовали возвращения Намибии под германскую сень, Юстин быстро продвинулся в ряды штурмовиков-функционеров.

После победы нацистов в Германии состоялся конгресс проживающих за границей немцев. «Вы – наши передовые посты, – говорил им фюрер. – Вы должны готовить почву для атаки. Считайте себя мобилизованными. На вас распространяются все военные законы».

На призыв «Немцы – объединяйтесь!» откликнулись миллионы людей, разбросанных по всем континентам. Родилась мощная организация «Аусландс-организацион» с Эрнстом Боле во главе. Союз «следопытов» влился в состав гитлерюгенда. На Юстина обратил внимание посланец берлинского колониально-политического ведомства Ханс Доррох. Оберфюрер вызвал его в свою резиденцию на окраине Виндхука, окруженную высоким забором и охраняемую волонтерами местного штурмбанна.

– Хейнц Валетти – ваш отец? – спросил Доррох, рассматривая высокого светловолосого юнгфюрера, замершего у порога.

– Так точно.

– Передайте ему благодарность за крупный взнос в наше движение.

– Слушаюсь!

Доррох заглянул в глаза младшего Валетти: не идиот ли, долбит как солдафон. Нет, взгляд умный, уверенный, без всякого подхалимства.

– Что вы собираетесь делать в будущем?

– Намерен продолжить учебу в Германии.

– Похвально. Отечеству скоро понадобятся такие молодые люди, как вы. Я вижу на вашем плече шнурок баннфюрера, значит, вы уже воспитываете своих подчиненных в гитлерюгенде. Надо готовиться к тому времени, когда наша раса станет хозяином в мире. Здешние туземцы – они же как дети. С ними и обращаться надо как с детьми. Люди черной Африки едва распустились с каменным веком, они не годятся для самостоятельной деятельности. Только крепкая рука белого человека может дать им сносное существование.

Оберфюрер подошел к книжной полке, достал довольно толстый том в мягкой обложке:

– Азбуку национал-социализма вы, думаю, усвоили. Теперь беритесь за алгебру. Советую это читать как Библию.

На обложке Юстин увидел черное изображение германского орла, вцепившегося когтями в земной шар со свастикой, и ниже надпись готикой: «Цейтшрифт фюр геополитик». Принимая в руки этот дар, Юстин не догадывался, какую роль сыграет журнал в его дальнейшей жизни.

Вернувшись в пансионат, он стал листать страницы. Какое-то неясное волнение охватило его. Скоро так увлекся чтением, что не заметил, как за вечерело, потом спустилась ночь, наступило утро. «Цейтшрифт фюр геополитик» не рассчитывался на простого обывателя. В отличие от газеты «Дер штюрмер», выходившей под одним и тем же лозунгом: «Евреи – наше несчастье», он не призывал к погромам, не печатал репортажей о факельных шествиях, освящении знамен, грандиозных парадах. Этот сугубо научный журнал предназначался руководящей элите немецкого общества, исследователям, экономистам, историкам, литераторам, поборникам нацистского реализма, призванных по-академически разносторонне обосновать теорию «жизненного пространства». Подобно самой партии – «монолитной и послушной как труп», «Цейтшрифт фюр геополитик» направлял все усилия на то, чтобы убедить читателя в аксиоме: все беды немцев кроются в исторической несправедливости – чрезмерной скученности и малоземелье.

Юстин выписал журнал на свое имя, заочно познакомился с его редактором – Карлом Хаусхофером. В годы войны Хаусхофер дослужился до генеральского чина, был сотрудником баварского Генерального штаба военным наблюдателем в Японии, после чего занялся наукой. Предметом своих лекций в Мюнхенском университете он избрал геополитику. По его мнению, география оказывает решающее влияние на политику. Развитие любой страны зависит от запасов сырья, состояния земель, климатических условий. Он обогатил учение Ратцеля ⁴ новыми идеями, создал геополитическую школу, которая вскоре стала «географической совестью государства», дала оружие для политической активности здоровых сил общества.

«Совесть государства» зазвучала в требованиях соразмерного участия немцев в распределении материальных благ в мире. «Дела плохи, – сетовал генерал, – когда у нас на одном квадратном километре бедной северо-альпийской площади ютятся и добывают себе пропитание 133 человека, а во всех богатых колониях странах на этой же площади благоденствуют 7, 15, 25 человек на более плодородных землях».

В Мюнхенском университете Хаусхофер подружился со способным учеником Рудольфом Гессом. После образования национал-социалистической партии тот стал руководителем студенческой ячейки, свел профессора с Гитлером. Это знакомство связало Хаусхофера с нацизмом.

Дальнейшая работа над историей немецких колонистов в Африке проходила под влиянием журнала «Цейтшрифт фюр геополитик» и его редактора. Юстин закончил рукопись незадолго до защиты диссертации. Поколебавшись, он послал ее оберфюреру. Через месяц Доррох

⁴ Ратцель Фридрих (1844–1904) – географ и биолог. В своей «Политической географии» развивал теорию о влиянии географической среды на политику.

опять пригласил Юстина в свою резиденцию, угостил браннвейном⁵, усадил в кресло, по-приятельски расположился на тахте напротив.

– Я прочитал ваш труд и остался им доволен, – оберфюрер протянул руку к папке. – Боюсь огласить, но история немецкой Намибии может заинтересовать генерала Хаусхофера...

«Он читает мои мысли!» – мелькнуло в голове Юстина.

– ...Перед тем как отправиться в Африку, я имел удовольствие беседовать с ним. В рукописи вы найдете мой отзыв и рекомендательное письмо генералу. – Доррох встал и пожал руку Юстину. – Прощайте, мой молодой друг.

Получив диплом, Юстин уехал в Людериц. На ферме помог отцу провести переучет земель, скота, проверил состояние машинного парка и инвентаря, точность выплаты налогов с арендаторов, сходил с Мишей на охоту в саванну... Но хозяйственные дела, провинциальные развлечения уже потеряли для него интерес. Из Германии шли потрясающие новости. Люди стремились занять достойное место в молодом рейхе – как бы не опоздать... Дерзкие законы, четкие установки, всеобщий энтузиазм воспаляли нацию как пожар, пьянили как крепкое вино. Юстина охватило нетерпение. Миша первым угадал его состояние. В один из дней он навестил деда Бруно. Тому шел семьдесят шестой год, передвигался старый конкистадор с помощью коляски, однако не утратил ясности ума. Пятидесятилетний Хейнц находился в расцвете сил. После Кристины он надеялся найти достойную партнершу, но долго не находил. Теперь на примете появилась прелестная девушка из семьи арендатора, хотя она еще не прошла конфирмации⁶. Поэтому судьба уже достаточно взрослого Юстина мало заботила его. А старики в глубине души не хотели отпускать Юстина далеко от себя. Ему можно было бы купить доходную ферму, сделать так, чтобы мальчик не зависел от казенного жалованья. Со временем он бы обзавелся семьей, спокойно прожил бы свой век в благословенной Намибии, а не на пороховой бочке, каковой представлялась им Германия. Но дед Бруно, а особенно Миша, понимали, что наступили штормовые времена, в тихой гавани не отстояться, поэтому отважились вынести нелегкий вердикт – пусть едет.

За ужином Бруно торжественно проговорил:

– Дорогой внук! Когда мы с Мишей под началом незабвенного капитана Фогельзанга плыли сюда, в Африку, мы еще не знали, что покинем Германию навсегда. Край, родина – эти понятия не вызывали приливов нежности. Мы были молоды и беспечны. Мы прозрели по прошествии лет, осознали притягательную силу родной земли. К сожалению, слишком поздно. Очевидно, наша боль передалась тебе, если уж ты так нетерпеливо рвешься туда. Что ж, в добрый путь, Юстин. На первых порах мы готовы поддерживать тебя. В дальнейшем полагайся на себя, свой ум и сообразительность. Природный разум может заменить любое образование, но никакое образование не заменит природного ума.

...И вот теперь Юстин смотрел в иллюминатор на удаляющийся бисер огней. В глубине паровой утробы тяжело ухали поршни в цилиндрах, ворочались грузные валы, передавали свою могучую энергию массивным винтам, которые толкали вперед стальной многоликий плавающий город. Мелко вибрировала палуба, в такт ей позванивали кувшины и стаканы в деревянных гнездах-подставках, покачивался эбонитовый абажур над столиком, крепко привинченном к переборке. Устав смотреть в темное пространство, он сел во вращающееся кресло, закрыл глаза. «Что ждет меня? – подумал он и одними губами прошептал смятенно и страстно: – Бог мой, прости за мои прегрешения! Помилуй, помоги, будь милостив!» Он не чувствовал за собой больших грехов, обратился к Богу на всякий случай, потому что с детских лет уверовал, что Бог все видит и слышит.

⁵ Браннвейн – сорт немецкой водки.

⁶ Конфирмация – у протестантов обряд приобщения к церкви юношей и девушек, достигших 14–16 лет.

Устыдившись минутной слабости, Юстен быстро поднялся с кресла, подошел к зеркалу перед раковиной умывальника, долго и придирчиво изучал свое отражение – худощавое, золотисто-смуглое, как у метиса, отчего ярко-голубые глаза и медно-пшеничные волосы казались еще светлее. Он надел белую шляпу с широкими полями, какие носят в Намибии, выключил верхний свет и толкнул дверь. В длинном и узком, точно щель, коридоре никого не было. Пассажиры, севшие в Уолфиш-Бее, угомонились, а те, кто плыл из Кейптауна, уже давно спали. Стараясь не бухать ботинками из прочной воловьей кожи, Юстин поднялся по крутому трапу на верхнюю палубу, отдраил дверь с высоким комингсом и пошел к заднему борту. С высоты пятого этажа в аспидном блеске моря виднелся светлый след. С глубин поднимались встревоженные винтами фосфоресцирующие медузы, рачки, черви, бактерии, которые в воде вызывали сильное свечение. Перед носом «Магдебурга» вздымались две волны как бы из жидкого фосфора. Кругом, насколько было видно, светился гребень каждой волны. Из труб валил черный дым. Оранжевые искры кружились в клубах вихря и пропадали, угасая. На капитанском мостике бестелесными тенями мелькали фигурки вахтенных. В этот час бодрствовали только они. Не спеша, Юстин обошел всю палубу от бака до форштевня. Вдоль бортов висели шлюпки, укрытые брезентом, пояса и бело-красные спасательные круги с надписью «Магдебург». Этот единственный германский пароход из 34-х иностранных, курсирующих между Южной Африкой и Европой, он выбрал исключительно из патриотических чувств, заплатив за билет 2-го класса огромную сумму, которая пойдет не в кошель англо-португало-французских лавочников, а на благоденствие рейха. Решив, что за месяц плавания он еще успеет обследовать другие палубы и помещения, Юстин вернулся в свою каюту. С утра он распечатает чемоданы с книгами, снова просмотрит рукопись, постарается установить такой распорядок, чтобы до предела заполнить время работой. С этими мыслями, под едва слышное погромохивание машин и дрожь корпуса, он уснул.

2

Шли день за днем, неделя за неделей... Кругом расстился тот же равнодушно-холодный, однообразный, как пустыня, океан. Корма тянула за собой дымчатый шлейф, пенились волны, тучи чаек металась над водой – одни, высмотрев добычу, пикировали вниз, выхватывали тяжелую рыбу, другие жадно склевывали отбросы, сваливаемые из камбузов. Юстин регулярно завтракал, обедал и ужинал, совершая прогулки по палубам, знакомств не заводил, только читал или писал. Иногда «Магдебург» попадал в полосу штормов. Тогда половина пассажиров вообще не появлялась ни в кают-компании, ни в ресторане. Пароход раскачивало, кренило, сносило ветром и течением, но он упрямо выбирался на курс, то удаляясь от африканского берега, то приближаясь к нему.

Вцепившись в поручни, подставив лицо могучему ветру, Юстин смотрел на взбесившуюся стихию, радуясь непонятно чему. Он не страдал от морской болезни, качка не выворачивала внутренностей, отменным, как у молодого бычка, был аппетит. Томился он лишь на стоянках. Обессиленный пароход пришвартовывался к пирсу, и на белых пассажиров набрасывалась свирепая черная толпа, норовя сбыть нехитрый сувенирный товар – деревянных идолов, ожерелья из ракушек, соломенные циновки, посуду из кокосовых орехов, брикетки инжира, кофейные бобы. От зноя, гама, сладковато-трупной вони начинала болеть голова. Юстин наливал в ванну остуженную искусственным льдом воду и опускался по самое горло, рискуя подхватить тропический насморк – самый омерзительный из всех африканских болезней. Он выбирался из воды лишь тогда, когда пароход уходил от берега, набирал ход и включал вентиляцию, прогоняя воздух через холодильные камеры. Махровым полотенцем обтирал мускулистое тело и садился за стол, заваленный книгами. Он конспектировал труды Артура Шопенгауэра, Освальда Шпенглера, Фридриха Ницше, Генриха фон Трейчке, Хьюстона Чемберлена, того самого онемеченного зятя композитора Вагнера, который перед смертью, уже парализованный, успел написать: «Факт, что Германия в годину тяжелых бедствий породила Гитлера, является доказательством ее живучести».

В каждом африканском порту «Магдебург» принимал на борт новых пассажиров-немцев. Конфузясь, они осваивали новое нацистское приветствие, испуганным голосом выкрикивали «Хайль Гитлер», но через пару дней робость исчезала, глотки крепчали, рука легко выбрасывалась вперед, точно была приучена с детства. То в кают-компании, то на юте или баке, а то и в узких проходах возникали дискуссии, разгорались споры. На летучих митингах появлялись пророки и доморощенные фюреры – немцы оставались немцами. В своих действиях они походили друг на друга, как солдаты в казарме, бараны в отаре. Они собирались под одну крышу, вдохновленные бодрим, пролетевшем через все закоулки мира призывом: «объединяйтесь!»

Последняя стоянка в Касабланке была долгой. Никто, даже капитан, не знал причины задержки. Юстин купил много газет – английских, немецких, французских. Все первые полосы отводились событиям в уже близкой сейчас Испании. На пути прогресса эта страна сразу пропустила несколько ступенек, от масляного светильника перешла к электричеству, минуя керосиновую лампу, устанавливала теперь «республику трудящихся», подобную русской. Однако фюрер во всеуслышание заявил, что Европа никогда не согласится жить между большевистскими клещами. Вооружались карлисты ⁷, активизировались отряды фалангистов ⁸. Гражданские гвардейцы стреляли в рабочих Барселоны и Астурии, пустели стадионы, где устраивалась коррида, антрепренеры соблазняли бесплатными лотерейными билетами (счаст-

⁷ Карлисты – последователи клерикально-абсолютистского движения, развязавшие в XIX веке гражданские (карлистские) войны.

⁸ Фалангисты – члены Испанской партии фашистского типа.

ливчик получит автомобиль), но люди хотели слушать коммунистку Пассионарию, старого социалиста Ларго Кабальеро, булочника из Севильи Хосе Диаса, поэта Рафаэля Альберти ⁹.

В полночь по палубам гулко застучали солдатские башмаки. Марокканцы в белых бурнусах и красных фесках, обвешанные ранцами, бурдюками, пулеметными лентами, оружием, рысью бежали по трапу и скрывались в трюмах. Прожекторные огни на пароходе и пирсе отражались на их потных лицах. Вполголоса покрикивали испанцы-командиры в длиннополых френчах и фуражках с большими козырьками.

Юстин хотел рассмотреть их поближе, но дорогу преградил низкорослый, длиннолицый господин в шляпе и легком летнем плаще. С грубоватым тюрингским акцентом он проговорил:

– Туда не пускают.

Юстин почувствовал на себе цепкий взгляд. Незнакомец опустил локти на поручни, спросил:

– Издалека?

– Из Людерица.

– О! И конечно в Германию? Там ваши родители?

– Нет, мать умерла при родах, в Намибии остались дед и отец.

– Вы едете учиться?

– Хотел бы поступить в Берлинский университет.

Слово за словом завязался разговор. Незнакомец оказался живым собеседником. Юстин и не заметил, как вскоре диалог превратился в монолог, он легко и просто рассказал о своей жизни. Когда в паровой утробе скрылся последний солдат, господин снял шляпу, с облегчением провел белоснежным платком по высокому лбу. Юстин обратил внимание на оттопыренные уши с большими, вислыми мочками, Матросы торопливо подняли трапы, отдали швартовы. Сразу погасли прожекторы, и пароход стал быстро набирать ход, забыв о ритуальном прощальном гудке. Юстин понял, что собеседник был как-то связан и с задержкой «Магдебурга», и марокканскими стрелками.

Во время завтрака они встретились снова, Юстин ел ветчину, поливая мясо кисло-сладким греческим соусом. Ночной знакомый заказал лишь булочку с маком и ломтиком маргарина.

– В мои годы пора думать о диете, – сказал он, приглаживая седовато-пепельные волосы.

– Вы тоже в Германию? – спросил Юстин.

– Нет, пока до Лисабона.

– С теми? – Юстин вилкой ткнул вниз, где были трюмы.

Длиннолицый ушастый господин усмехнулся:

– Я сам по себе, – и прищурился зеленоватые глаза, добавил, – а вы, вижу, не лишены наблюдательности.

Юстин поднял чашку с кофе, сделал глоток. Compliment понравился ему, хотя он и притворился равнодушным.

– Разве это кофе?! – воскликнул он. – Хотите, угощу настоящим ангольским?

– Никогда не пробовал такого, – живо отозвался собеседник.

– У нас в Намибии не признают ни ангольский, ни колумбийский. Пьют только африканский, его прожаривает экваториальное солнце.

Юстин сунул ключ в замок, щелкнул и распахнул дверь. Гость быстрым взглядом окинул каюту, чуткими, как у пианиста, пальцами пробежал по корешкам книг на полке, с удивлением уставился на ворох иностранных газет:

⁹ Пассионария – так звали в народе секретаря Испанской коммунистической партии Долорес Ибаррури (1895–1989). Кабальеро Ларго (1869–1946) – социалист, с сентября 1936 по май 1937 года премьер-министр и военный министр республиканского правительства. Диас Хосе (1895–1942) – генеральный секретарь ИКП, создатель Народного фронта. Алиберти Рафаэль (1902–1986) – испанский поэт-антифашист, лауреат Международной Ленинской премии.

– Вы знаете столько языков?

– У нас же кого только нет, поневоле научишься, – поскромничал Юстин, в этот момент вспомнил Мишу, по которому успел соскучиться. – Я овладел даже русским, как своим собственным.

Он засыпал в кофемолку зерна, включил электрический чайник, из холодильной камеры достал бутылку оранжада. Расставляя на журнальном столике чашки для кофе и высокие бокалы для напитка, он сказал:

– Сдается, в Испании вот-вот начнется война.

– В этой сумасшедшей стране все может случиться, – согласился гость.

После кофе они вышли на палубу. «Магдебург» пересекал Гибралтарский пролив.

– Сколько суток вы шли из Уолфиш-Бея?

– Вот уже пятую неделю, – ответил Юстин.

– Я бы не выдержал, хотя когда-то долго служил на флоте. Не выношу монотонности.

– Меня спасали книги...

Помедлив, гость задал неожиданный вопрос:

– Вы сказали, что имеете рекомендательное письмо к Хаусхоферу?

– Да. От оберфюрера Дорроха.

– А вы знаете, что генерал руководил первой дипломной работой рейхслейтера Гесса?

– В «Цейтшрифт фюр геополитик» об этом не писалось ни слова.

– Если представится возможность, поинтересуйтесь. Это наведет вас на некоторые размышления, если вы всерьез хотите послужить Германии...

Два года спустя Юстину удастся познакомиться с этой работой.

В 1925 году освобожденный из Ландсбергской тюрьмы Рудольф Гесс снова появится у Хаусхофера. Ученик нуждался не столько в моральной поддержке, сколько в хлебе насущном. Профессор устроил его в свой Институт геополитики. В качестве научной темы для исследования он предложил Японию, к которой сам питал добрые чувства и где в свое время служил военным атташе. Гесс – человек практический и дальновидный – ограничил общую тему более узким вопросом – японским шпионажем. В диссертации он детально разобрал тотальные методы политической, военной и промышленной разведки.

После завоевания власти нацистами Гесс не остался в долгу перед Хаусхофером. Он предоставил средства для расширения Института геополитики. Географы, историки, экономисты, статистики Института собирали, сортировали, обобщали важные материалы о политико-финансовой и экономической структуре иностранных государств. Здесь детально разбиралась географическая уязвимость стран, разрабатывались планы задолго до того, как они проводились в жизнь.

3

В Бремерхафене Юстин сошел с надоевшего «Магдебурга» и, не задерживаясь, купил билет на берлинский вечерний экспресс. Земля пошатывалась под ногами. Дома, машины, трамваи, прохожие тоже зыбко колебались, словно под слоем кирпича и бетона плескался тот же нудно-утомительный океан. Это неприятное до тошноты ощущение прошло лишь на другой день, когда он приехал в Берлин, в привокзальном буфете выпил чашку кофе с коньяком.

Берлин не поразил Юстина, больше того – разочаровал. Город оказался не столь большим и помпезным, каким представлялся в кинематографе и на почтовых открытках. Таксист с трудом пробиравшийся сквозь давку на тесных улицах, рыкающим клаксоном раздвигал пешеходов, надолго застревал в пробках, которые возникали перед станциями метрополитена и главными проспектами.

Отель «Бранваг», где останавливались немцы из Намибии и советовали сделать то же самое Юстину, не претендовал на высший разряд, однако занимал большое здание старой постройки, через метровые стены не проникал уличный шум; мебель, двери, оконные рамы делались из дуба, а полы были выстланы толстым солдатским сукном. За полсотни лет своего существования в отеле только однажды заменили газовые горелки и керосиновые десятилитровые лампы на электрические лампочки – все остальное осталось на месте, как при первом Вильгельме Гогенцоллерне и «железном канцлере» Отто фон Бисмарке.

Юстин снял недорогой номер с душем и ванной. Окна выходили во двор, где был разбит небольшой цветник и стояли лавочки для любителей свежего воздуха. В необъятной кровати с перинами и горой подушек могли бы разместиться четверо. На стене висела гравюра с изображением Гейзериха – короля вандалов. Осмотревшись, Юстин раскрыл чемоданы, поставил на письменном столе книги, повесил в шкаф костюмы и рубашки. После душа захотелось есть. Хотя до обеда оставалось не меньше часа, он спустился в полуподвал со сводами. В дальней стороне ресторана трое стариков пили пиво. Остальные столики были пусты. Едва Юстин занял место, как появился кельнер в белой куртке и галстук-бабочке. Юстин попросил светлого пива и телячий бифштекс.

Прожив несколько дней в «Бранваге», он убедился, что в ресторане обедали только клиенты отеля да старые берлинцы из соседних кварталов. Они заказывали кружку пива, перебаривали домашнее рагу и вели нудные разговоры о своих колитах и делах империи. Молодежь недолюбливала ресторан. Он казался скучным. Даже продрогшие в прохладные вечера проститутки не заглядывали сюда. Единственной примечательностью были часы, сделанные чуть ли не в эпоху Возрождения. Они стояли в темном углу – массивные, в опять же дубовой, как плаха палача, колоде и каждые полчаса давали знать о себе. Сначала раздавался какой-то сип, словно в прохуdivшемся кофейнике. Потом с ржавым хрипом начинали скрежетать шестерни. Новички невольно вытягивали шеи, крутили головами, силясь понять, откуда несутся эти звуки. Наконец их взгляд упирался в угол. Из темноты проступало сивушное рыло циферблата в морщинах-трещинах, перекошенное, точно от флюса. И тут в дряхлом нутре часов, как в шарманке, возникала музыка, от которой сводило челюсти. Часы исполняли старый прусский гимн.

Юстин долго не решался звонить Карлу Хаусхоферу – единственному в Берлине человеку, которому адресовалось рекомендательное письмо. Первые дни он знакомился с городом, музеями, театрами. В Университете предложили на выбор либо сдать экстерном экзамены по предметам, отсутствующим в программе школы Виндхука, либо прослушать последний курс и защитить диплом на дневном отделении. В пятницу он позвонил секретарю Хаусхофера и попросил аудиенции у знаменитого профессора. Очевидно, не каждый день обращались с такой просьбой люди из далекой Намибии, генерал назначил встречу на утро субботы.

С бьющимся сердцем Юстин вступил в кабинет, прижимая локтем папку с рукописью и письмом оберфюрера Дорроха. Хаусхофер вышел из-за стола навстречу. Юстин мгновенно оценил представителя высшего типа германского военного, какого со времен первых королей выковывала армейская каста. Высокий, седой, сухопарый старик с откинутой назад головой и надменным выражением резко очерченного лица, большим узким ртом с опущенными вниз кончиками, отчего создавалось впечатление, будто он проглотил хинную таблетку, молча пожал руку и неторопливо вернулся на свое место. Юстин успел еще подумать о том, что иностранные карикатуристы, изображая немецких генералов, видимо, списывали портрет с Хаусхофера. Он положил перед профессором письмо Дорроха и свою рукопись. Генерал откинулся на спинку кресла, сдвинул косматые брови и принялся за чтение. Зрение стало сдавать, но он упрямо не заводил очков или монокля, считая эту необходимую принадлежность как бы недостойной военного человека. Его письменный стол представлял собой тот упорядоченный рабочий комфорт, который полностью отвечал деловому, организованному характеру. Ни одной посторонней вещи, ни одной безделушки! Напротив стояли справочники, перед глазами лежала стопка бумаги, на расстоянии вытянутой руки – чернильный прибор, тубик с клеем, ножницы, пластмассовый стаканчик с карандашами трех цветов: красным, зеленым и желтым. Несколько раз входили сотрудники, приносили статьи на просмотр. Юстин выявил любопытную роль этих карандашей. В отличие от светофора они действовали в обратном порядке. Если генерал хотел где-то усилить мысль, углубить содержание того или иного абзаца, то на полях он проводил желтую линию. Если соглашался полностью, ставил красную галочку. Несогласие выражал зеленым карандашом. Он не опускался до разговора, предоставляя сотруднику право обдумать текст и самому сделать правильный вывод.

Рукопись он читал долго, вдумчиво. Старый профессор понял, что перед ним предстал как раз тот образец элитной молодежи, которая в будущем станет повелительницей мира. Оторвавшись от рукописи, он стал расспрашивать Юстина о жизни, взглядах, геополитике и убедился, что юноша обладает прекрасной памятью, живым умом, владеет несомненным публицистическим даром. Понравилась генералу и предельная лаконичность при изложении мысли. «Империя – это вопрос желудка», – сказал Юстин. Поначалу Карл опешил, но, поразмыслив, понял, что молодой человек угодил в самое яблочко. Все рассуждения о «лебенсraum», арийской расе, по существу, сводились к тому, чтобы сытно накормить немецкий народ. А уж за счет кого – народов ли, стоящих в духовном развитии внизу исторической пирамиды, плодородных ли земель, где успели разместиться и размножиться низшие существа, – пусть рассуждают теоретики.

Сухая, в голубых прожилках, рука Хаусхофера потянулась к стаканчику, нашла красный карандаш и подчеркнула заголовок рукописи: «Намибию – германцам!»

– Мы начнем печатать это с ближайшего номера, – проговорил Карл и, выдержав долгую, невыносимо долгую для Юстина паузу, добавил: – Вы будете работать у меня, как только закончите курс в Университете.

По тому, как покраснело загорелое лицо, он понял, что о большем молодой человек и не мечтал.

Он поставил Юстина на самый горячий отдел – хронику. Но не такую, какую обычно поставляют газеты, радио, информационные отделы ведомств по связям с прессой. Хроника «Цейтшрифт фюр геополитик» давала развернутое толкование фактов. Имея всемогущую поддержку Гесса – второго в империи человека, Хаусхофер постарался придать журналу независимое лицо. В отличие от партийных органов («Дас рейх», «Фель-кишер беобахтер» и других) журнал мог выражать свою точку зрения, не всегда совпадающую с официальной. В сером газетном потоке свободная мысль «Цейтшрифт фюр геополитик» пользовалась популярностью у читателей.

Очень скоро африканские очерки о бывших германских колониях, а затем бойкие репортажи из высших кругов, где делалась политика, вывели имя Юстина Валетти в ряд известных журналистов рейха. Через полгода Юстин оставил отель «Бранваг» и снял квартиру в Хермсдорфе, купил подержанный, но довольно резвый «опель».

А еще через некоторое время судьба свела его с человеком, который предопределил дальнейший путь. Среди благодарных читателей оказался Ганс Пикенброк, полковник абвера и начальник его первого отдела, занимавшегося разведкой почти во всех странах мира. В смышленном и расторопном малом Пикенброк выделил несколько главных качеств, в том числе быструю сообразительность и трезвость. Через свою агентуру он собрал досье, когда же доложил адмиралу Канарису об идее привлечь к разведке Юстина Валетти, раскрыл папку с обязательной фотографией, к его изумлению шеф не задал ни одного вопроса и произнес единственную фразу:

– Я знаю этого парня.

Оказалось, что адмирал познакомился с ним на «Магдебурге», когда переправлял марокканских стрелков и офицеров Иностранного легиона в Лисабон, вскоре поднявших мятеж против Испанской республики.

Не реже раза в месяц Пикенброк стал встречаться с Юстином в кафе или пивной, парке или просто на улице. Опытный и ловкий разведчик скрывался под маской забывчивого недотепы, любителя выпить, хорошо поесть, поволочиться за женщинами. В близком кругу его звали попросту Пики. Эта кличка как нельзя более подходила к нему. Внешне Пики напоминал обычного берлинца средней руки. Шляпа-тиролька прикрывала лысый череп, носил он полувоенный френч и бриджи по моде времени. Крупная голова с маленькими острыми глазками, носом пуговкой и губастым ртом несуразно сидела на маленьком туловище, на котором начал округляться старческий животик, хотя Пикенброк не разменял и сорока пяти лет. Как бы советуясь на правах старшего с младшим, беседуя на разные темы, Пикенброк высказывал те или иные мысли, иногда как бы предугадывал события. Вскоре их отзвук он находил в статьях Юстина Валетти.

Так случилось с аншлюсом Австрии. Начиная с Рождества 1937 года Юстин выдал серию благожелательных очерков о южной немецкой родственнице, а в марте 1938-го без единого выстрела при всеобщем ликовании Восьмая полевая армия Федора фон Бока перешла австрийскую границу и присоединила Остеррейх к германской империи. Это событие пробудило в немцах мятежный дух. В училищах вермахта, люфтваффе, морского флота стали формироваться диверсионные отряды. На военно-морских базах в Свинемунде и Куксхавене началось обучение экипажей субмарин для операций в Африке и на коммуникациях Атлантики, Тихого океана, даже Антарктиды.

С подачи Пики Юстин нелестно отзывался о военном министре, мыслившем категориями линейных сражений кайзеровского времени. Вскоре кампанию травли подхватили другие газеты. Фельдмаршалу Вернеру фон Бломбергу ничего не оставалось, как подать в отставку.

Летом 1938 года Юстин опубликовал несколько переводов известного английского писателя-антисемита Дугласа Рида из книг «Ярмарка безумия», «Великий позор», «Чтобы не пришлось пожалеть...», а осенью по Германии прокатилась новая волна еврейских погромов.

Пики хорошо разбирался в змеиных извивах политики, предвидел направления, по которым устремлялись события. 1938 год как бы выводил Германию из состояния сонного благодушия на путь открытой борьбы. Но по долгу службы он помалкивал, за него говорил Юстин, и это вполне устраивало абвер.

10 ноября в конференц-зале Министерства пропаганды выступил фюрер. Мало заботясь о смысле, Юстин старался как можно точнее застенографировать речь вождя. Когда же он вернулся в редакцию, расшифровал записанное, перепечатал на машинке и перечитал еще раз, то понял глубинную суть выступления: отныне Германия открыто заявляет всему миру о своих

территориальных претензиях и народ надо готовить к войне. Перед тем, как идти к Хаусхоуеру, он продумал порядок мыслей, которые следовало высказать в будущей статье. Заголовок родился тут же: «Воля фюрера в действии». Вдруг в этот момент приятно колыхнула сердце неожиданная идея: «Видно, скоро и мне придется надеть военный мундир. У Пики наверняка найдется местечко».

Хаусхофер, не торопясь, прочитал стенограмму, одобрил заголовок. Юстин было открыл рот, чтобы рассказать о своем намерении, но тут же спохватился – еще неизвестно, найдется ли у Пикенброка подходящая вакансия. «Сначала поговорю с Пики, а уж потом поставлю Карла перед свершившимся фактом», – подумал он.

Вечером, когда ушли все сотрудники, Юстин подошел к телефону. У него был единственный номер, по которому он связывался с Пики. Он не знал – рабочий ли это телефон, домашний или какого-либо секретного жилища, но в какое бы время суток ни звонил, всегда попадал именно на Пикенброка. Позже он узнал, что этот номер числился за личным коммутатором начальника 1-го отдела абвера, и где бы не находился Пики, его быстро отыскивал дежурный офицер связи. Юстин набрал четырехзначный номер. В наушнике раздался щелчок, похожий на тот, когда на другом конце провода снимают трубку.

– Господин Пикенброк?...

Через пару секунд:

– Слушаю!

– Беспокоит Валетти.

– Что стряслось, Юстин?

– Не могли бы вы уделить мне минут двадцать?

– Это срочно? Сейчас?

– Н-не совсем срочно, но для меня важно.

Видимо, в голосе Юстина прозвучала тревога, озадачившая Пикенброка. Тот решил удовлетворить просьбу:

– Где вы находитесь?

– В редакции.

– Собираетесь домой? Не возражаете, если поговорим у вас?

– Буду рад.

– Найдется что-нибудь выпить?

– Конечно!

– Тогда спуститесь вниз, подъеду через тридцать минут.

Юстин собрал в портфель бумаги, которые могли пригодиться при разговоре. Среди них была и стенограмма выступления Гитлера перед работниками нацистской прессы.

Оставалось позвонить Линде, чтобы, не дай бог, эта истеричка не нагрязнула без предупреждения. Линда работала переводчицей в издательстве «Герхард Шталлинг Берлагбухандлунг». Дочь видного коммерсанта Марка Штаймахера, чьи текстильные магазины были разбросаны по всей Восточной Европе, знала много славянских языков. По-русски она изъяснялась так же свободно, как и по-немецки. Часто ее даже привлекали для чтения лекций по языку и русской истории в Университет Фридриха-Вильгельма – самое престижное учебное заведение империи. Здесь она и заметила Юстина Валетти – красивого парня из немецкой Африки. Он числился вольнослушателем и сдавал экзамены на выпускной курс. Но еще больше ее поразили его знания. На семинаре по внешней политике большевиков он стал анализировать советские дела с неотразимой логикой, не совсем понятной даже ей, специалистке по России большевистского времени.

– Советский Союз сейчас тревожат две страны, – сказал он. – Это Германия и Япония. И с той и с другой Россия стремится разрешить спорные проблемы миром. Предмет конфликтов – Китайско-Восточную железную дорогу – продала Манчжоу-го, хотя это не помешало Япо-

нии напасть на Китай, развязать боевые действия на озере Хасан. Сталин также стремится к сотрудничеству с Германией, несмотря на идеологические разногласия. Кстати, я вообще не верю в приверженность Сталина классическому марксизму. Стремление удержать свою лоскутную империю от развала для него важнее марксистско-ленинских догм. Ему импонирует смелая, бескомпромиссная борьба фюрера с противниками нацизма. Его торгпред зондирует почву о сотрудничестве с министром экономики Шахтом, посланец Давид Канделаки беседует с Герингом. Резидент Сталина в Европе Вальтер Кривицкий получает приказ свернуть разведывательную работу в Германии, а в Испании террор энкаведэшников направлен главным образом против «троцкистов». Так что Сталина можно назвать «нашим советским другом».

«Мальчик далеко пойдет», – подумала Линда, неожиданно краснея.

Еще польстило ей, что Юстин вызвался после занятий проводить ее. По дороге на квартиру в Далеме он упомянул о своей работе в «Цейтшрифт фюр геополитик». Она вспомнила, что имя Валетти не раз встречала в этом журнале.

В тот теплый летний вечер и произошло то, что должно произойти. Лишь одно огорчало Линду: она была на пять лет старше Юстина. Поначалу она не задумывалась о замужестве, но со временем все чаще стала приходить к мысли о супружеской жизни. Что для нее разница в возрасте? Она богата, независима, наследница швейного промышленника, Юстин тоже не беден. Правда, его наследство где-то в Намибии, но мужчине, тем более одаренному, кому покровительствует генерал Хаусхофер, друг Гесса, легче сделать карьеру, чем женщине, пусть у нее семь пядей во лбу. Юстин много работал, ночевал то у себя, то у Линды. В каком бы часу он ни появлялся, для него были готовы постель, хорошая еда, любимое вино. Ни служанку, ни экономку на помощь она не звала. Со старательностью добропорядочной хозяйки сама чистила и гладила костюмы, меняла рубашки и галстуки задолго до того, как он проснется и заторопится па службу.

Она долго не решалась сказать, что пора бы узаконить их отношения. Гражданские браки не одобрялись в рейхе. Однажды Юстин вернулся навеселе с какого-то дипломатического раута. Он шутил, острил, просил поставить ту или иную граммпластинку, пытался подпевать, ужасно и мило фальшивя. Линда подыгрывала ему, целуя, она сказала:

– Я хочу быть твоей женой.

– А разве ты не жена?

– Я мадемуазель Штаймахер, а не фрау Валетти.

Юстин сразу протрезвел:

– Неужели мы не сможем обойтись без брачных уз?

– Не сможем, – ответила Линда, тоже став серьезной.

– Скоро мы начнем воевать, меня могут призвать в армию, убить наконец. Тебе хочется остаться вдовой?

– Не думаю, чтобы скоро, и не верю, что убьют. Таких, как ты, не пошлют в окопы...

– Хватит! – резко оборвал ее Юстин. – Выбрось брак из головы!

– Но почему?! Разве я недостойна быть твоей женой?

Он как-то холодно, сквозь ресницы, посмотрел на нее и потянулся к бокалу с вином.

«У него есть другая!» – ужаснулась Линда.

С тех пор в их отношениях образовалась трещина. Она пыталась следить за Юстином, требовала встреч, внимания, любви. Он начал избегать ее. Они ссорились и мирились, подолгу не встречались, мучались. Поборов гордость, Линда мчалась к нему, отношения вроде бы восстанавливались, но вскоре опять обрывались. Чем равнодушнее становился Юстин, тем безотчетной, яростней любила его Линда.

Юстин пытался жить с другими женщинами. Благо, отказа не было. Всюду – на улице, в метро, театре, на многочисленных приемах – он ловил их тайные, призывные взгляды. Но он не в силах был вытравить из сердца Линду, жалел и, досадуя, раскаиваясь, возвращался к ней.

... Прошло двадцать пять минут. Пора спускаться вниз. Вот-вот должен подъехать Пикенброк, а Юстин все еще стоял перед черным «телефункеном» и не решался поднять трубку. Наконец собрался с духом, крутнул диск. Гудки, гудки... «Алло!» Линда!

– Послушай, дорогая. Сегодня у меня очень важная встреча с одним человеком. Прошу не беспокоить.

– Ты не приедешь?

– Не знаю, когда встреча закончится. Боюсь поздно, ты уже будешь спать.

– Все равно жду тебя!

Юстин поморщился от досады.

– Хорошо, постараюсь приехать.

«Черт бы побрал эту назойливую бабу», – подумал он, спускаясь на улицу.

Шел туманный дождь. В лужах отражались размытые огни фонарей. Было пустынно и зябко. Что-то тревожило, как в предчувствии беды. Послышался рокот. Из-за угла соседнего здания, уже погруженного во мрак, тускло блеснули два желтых глаза, показался старенький фургончик-«опель» выпуска двадцатых годов. На такой машине обычно ездил Пики, если сам садился за руль. Тридцатисильный мотор не вытягивал на большие скорости, что для малоискушенного водителя было немаловажным. Да и не привлекала внимания такая машина. Разве мог кто подумать, что за ее рулем сидел человек, управляющий всемогущей немецкой разведкой во всех концах света! Многие берлинцы скромного достатка предпочитали покупать эту марку – с прочным кузовом, надежными рессорами, экономичную в расходе бензина. Поровнявшись с Юстином, «опель» притормозил.

– Садитесь скорее, я успел нагреть кабину, – сказал Пикенброк, он был в неизменной тирольке, из-под ворота черного плаща выглядывал толстый шерстяной шарф.

– Вам нездоровится?

– По-моему, банальная испанка. Лучшее лекарство от нее – шнапс с анисовым сиропом. У вас есть шнапс?

– Найдется.

В Хермсдорф ехали мимо ратуши на Луизенштрассе, пересекли канал. В Рейнникендорфе они увидели кучку людей и полицейских. Около разбитой витрины на стене белой краской была небрежно намалевана надпись: «Юде капут!». Видно, ее сделали совсем недавно.

– Озорничают мальчишки, – проворчал Пикенброк.

По просьбе Юстина хозяйка всегда наготове держала камин – несколько смолянистых щепок, три полешка и сверху брикеты из бурого угля. Стоило поднести спичку – и сразу загорелся огонь, Юстин, не раздеваясь, так и сделал. Пики в прихожей снял плащ, стряхнул дождевые капли, шляпу накинул на оленьи рога. Юстину они служили вместо вешалки, но для коротышки Пикенброка были слишком высоки.

– В буфете вы найдете все, что нужно, – сказал Юстин, подправляя брикеты щипцами.

– А вы не собираетесь выпить?

– Разве что рюмку, не больше.

Себе Пики налил фужер, сходил на кухню за анисовым сиропом, плеснул несколько капель и, крикнув, выпил махом. Зажмурившись, втянул в себя воздух, молчал некоторое время, потом издал сладостный возглас, похожий на «х-хы!»

– Садитесь к огню. Скоро будет тепло.

Пики пригладил жидкую прядинку волос, переброшенную через лысый череп от одного уха к другому, снова наполнил фужер водкой, но уже без сиропа, развалился в кресле, поставив на каминную решетку ноги в офицерских, хорошего хрома сапогах, – приготовился слушать. Юстин вынул из портфеля бумаги:

– Сегодня в Министерстве пропаганды фюрер наконец-то определенно высказался о целях ближайшего будущего... «Обстоятельства заставляли меня в течение десятилетий говорить только о мире...»

Пикенброк протянул руку с обручальным кольцом на толстом пальце:

– Прочитаю сам. Не воспринимаю на слух.

Маленькие глазки впились в текст. Страница, еще страница... Нижняя пухлая губа выдвинулась вперед, рот стал похож на сковородник. Читал он быстро, по диагонали, но не пропускал ни единого слова и запоминал навсегда.

«...Отныне необходимо *психологически* подготовить немецкий народ и внушить ему мысль, что имеются вещи, которые надо решать только с помощью силы... конкретные события надо изображать так, чтобы в сознании каждого немца совершенно автоматически возникло убеждение: если нельзя договориться по-хорошему, давайте рассчитывать на силу», – дочитал Пикенброк и с недоумением уставился на Юстина.

– Это война, – пояснил Юстин, – и я хотел бы спросить вашего совета: не пора ли мне поискать работу в вермахте?

– Вас не устраивает Хаусхофер?

– У него слова, а мне хочется дела.

Пикенброк хмыкнул, сделал глоток:

– А чем бы вы хотели заняться в армии?

– Всем, что прикажете вы. – Фраза прозвучала выпендренно, Юстин это сразу почувствовал, но подумал, что пьянеющий Пики отнесется к ней вполне терпимо. Главное, поймет: он хочет идти в абвер, в разведку, именно к Пикенброку.

– Принесите чего-нибудь поесть, – вдруг попросил Ганс.

В холодильной камере Юстин нашел сыр, ветчину, развернул складной столик на колесиках, расставил тарелки, положил пачку галет.

Ел Пикенброк долго и жадно, крошки сыпались с губастого рта на френч, бриджи, но он не замечал неопрятности. «И этот человек ведает нашей разведкой!» – с некоторой брезгливостью подумал Юстин. В другое время он не обращал внимания на кричащую неряшливость Ганса, но сейчас был трезв, нервно напряжен и плебейство бросалось в глаза.

Наконец Пикенброк допил водку, вытер вспотевшее лицо салфеткой, благодушно рыгнул.

– Может быть, кофе?

– Нет, еще шнапса.

«Переберет, потом возись с ним!»

Юстин отошел к буфету, налил водки, а когда вернулся к Пики, то едва не выронил фужер от удивления. Хитрые, бесноватые глазки смотрели на него трезво и рассудительно.

– Вот что я скажу, Юстин, – промолвил Пикенброк. – Наша работа покажется вам ужасно пресной. Если бы я умел делать что-то другое, то с радостью бы плюнул на нее. Самое печальное – она неблагодарная. Платят мало, спрашивают много, а ведь постоянно приходится рисковать головой. С вашими-то заработками, с вашим именем – и в петлю? Нет! Я слишком уважаю вас, чтобы тянуть в свою трясику...

В прихожей раздался резкий звонок. Пикенброк впился взглядом в Юстина. Зазвенело еще настойчивей, нетерпеливей, Юстин вышел, повернул ключ. Перед ним стояла разъяренная Линда.

– Я же просил... – начал было Юстин, но Линда оттолкнула его и рванулась в комнаты.

– Где эта шлюха? Я убью ее! – завопила она, распахивая одну дверь за другой.

Вбежала в гостиную и замерла. Пикенброк хихикнул. Его позабавила не столько взбешенная женщина, сколько растерянное, страдальческое лицо Юстина за ее спиной.

– Кто это? – весело спросил он.

– Это... это Линда, – едва слышно пробормотал Юстин.

– А я полковник Пикенброк, – Ганс проворно вскочил из кресла, по-молодому подобрал живот, подошел к Линде.

– Простите, полковник, – приходя в себя, проговорила Линда.

– Прощаю. Не хотите ли выпить?

– Хочу.

– Вино, коньяк, виски? – Пики подмигнул Юстину.

– Предпочитаю коньяк, – Линда бросила Юстину свой клетчатый плащ, по-хозяйски прошла к буфету.

– Мадемуазель... ффрау... – замялся Пикенброк.

– Мадемуазель Штаймахер, – с вызовом произнесла Линда.

– Дочь того самого?... – Ганс поскреб пальцами по френчу.

– Того самого, кто шьет форму для всего вермахта. Между прочим, и мое имя вам должно быть известно.

– Ах, память, память, – он хлопнул себя по лбу, начиная играть простачка. – Как же! Самые лестные отзывы... Но почему Юстин не представил раньше?!

Бросая укоризненные взгляды на Юстину, он принялся ухаживать за Линдой, забегал, чуть ли не приплясывая, как старый дамский угодник.

– Вы конечно же голодны, – обретая домовитую твердость в голосе, проговорила Линда. – Иду на кухню жарить бифштексы.

– Я с вами! – увязался за ней Пики.

Юстин налил коньяку, выпил. Подумал, выпил еще. Злость на Линду отлегла, но тревога, которую он испытывал перед встречей с Гансом, осталась. Энергичный отказ в работе на абвер озадачил его, положение вдруг стало шаткий, смутным. Зажгло в желудке. Он сел перед камином и уставился на дрожащий огонь. Из кухни доносился кокетливый смех. Как всегда при виде хорошеньких женщин, Пики начал ребячиться. Шевельнулось нечто похожее на ревность, но как-то вяло, слабодушно. «Черт с ней, может, отвяжется совсем», – Юстин выпил еще рюмку и опьянел.

Как во сне он жевал мясо, пил вино, слышал оживленное перешептывание Линды с Пикенброком. Потом его раздели, уложили в постель. Ганс вызвался отвезти Линду домой, та согласилась. Потух свет, скрипнула дверь, с лязгом защелкнулся английский замок...

Неделю ни Юстин не звонил Линде, ни она ему. Позвонил Пикенброк.

– У меня появилась идея, – проговорил он, загадочно хохотнув. Не дождавшись ответного слова, спросил: – Вы помните наш последний разговор? Кажется, вы о чем-то просили? Я обдумал ваше предложение. Полезное не грех перенимать и у врагов. Англо-саксы были не дураки. Они охотно привлекали к секретной службе литераторов. Хороший урок им преподнесла Крымская война. Ввязавшись в нее, правительство королевы Виктории, оказывается, не знало истинной России. Поэтому впоследствии у русских побывали Комптон Маккензи, Джон Голсуорси, Арнольд Беннет, Герберт Уэллс, Гилберт Честертон, Сомерсет Моэм... Почему бы и нам не попробовать? А? – Пики опять хохотнул.

– Не вижу повода для веселья, – раздраженно произнес Юстин.

– Извините, – голос Пикенброка стал суше. – Однако для того, чтобы работать в нашей конторе, вам придется пройти общую подготовку. Согласны?

– Если это необходимо...

– Да, необходимо. Для вашей же пользы. Ждите повестку.

На другой день Юстин получил казенный листок: ему как офицеру запаса предписывалось явиться в Целлендорф на шестимесячную переподготовку, при себе иметь... Он пошел к Хаусхоферу. Как и следовало ожидать, генерал просто оторопел. Как раз в этот момент шла

подготовка к печати сразу двух номеров журнала, маховик внешней политики набирал обороты, появлялись горячие темы. По аскетическому лицу генерала пошли красные пятна:

– Какой олух додумался отнимать у меня ценного сотрудника?! Я немедленно свяжусь с Гессом, попрошу отменить этот приказ.

Он потянулся к телефонной трубке, но Юстин остановил его:

– Стоит ли по таким пустякам беспокоить партийфюрера? К тому же вы – человек военный – отлично знаете, какие моральные издержки несут люди, вынужденные отменять собственные приказы.

– Я не могу разобрать подписи... Вы знаете?

– Догадываюсь. Подписал повестку сотрудник абвера. Скажу больше, в курсе полковник Пикенброк.

Канариса и его первого заместителя Хаусхофер, разумеется, знал. Однако он не мог допустить мысли, что они решились на действие без согласия Юстина. Генерал укоризненно покачал головой:

– А я-то надеялся на вас...

– Простите, с моей стороны здесь нет никакого предательства! – встрепенулся Юстин. – Просто я понял, что наступают ответственные времена и мое место не только за журнальным столом.

– Почему вы не сказали об этом раньше?

– Я только намекнул Пикенброку о желании сотрудничать. Поначалу полковник отнесся к этому несерьезно. Я не хотел тревожить вас. Не было полной ясности. Нет и сейчас. Кто знает, подойду ли я для абвера?

– Абверу такие люди нужны, – тихо произнес Хаусхофер.

– Умоляю вас, не вычеркивайте мое имя из списка сотрудников. Мною уже подготовлены три обзорных статьи, успею написать четвертую. Задел есть. Где бы я ни был, чем бы ни занимался, я всегда буду работать на журнал.

Юстин умолк. Исчезли красные пятна и на лице Хаусхофера. Старик начал оттаивать. Помолчали. Как всегда после вспышки гнева к генералу вернулись разумные мысли. В конечном счете ничего страшного не произошло. Юстин поддался его же собственным призывам, оказался даже более последовательным, чем он сам. Пусть послужит. Армия всегда на пользу настоящим мужчинам. Жестокую науку там и преподают жестоко. Зато на всю жизнь запомнятся непреложные истины... Надо бы и сына Альбрехта отправить туда же. Сын пошел по его стопам, стал географом. Но уж больно вольничает. Фельдфебель бы скоро выбил всякие мысли о свободе, преподнес такие уроки, какие не смогут дать ни университеты, ни академии.

Хаусхофер встал, внимательно посмотрел в синие с сероватым отливом глаза Юстина. Молодой человек не отвел взгляда.

– Что ж, если вы искренни, то благославляю. А на будущее запомните: прежде, чем что-либо предпринять, советуйтесь со мной. Старик еще не выжил из ума.

Юстин вернулся к себе. Впереди был целый день. Успеет ли написать еще одну статью? Покосился на телефон. Обычно Линда звонила дважды: утром и вечером. Теперь аппарат молчал. «Переживем», – подумал он, настраиваясь на работу. Пододвинул пишущую машинку – тяжелый «Рейнметалл», сделанный прочно, на совесть, и выбил заголовок: «Народ ищет море». Юстин намеревался поднять проблему «польского коридора», выдвинуть требование присоединить к рейху «вольный город» Данциг, а также железную и шоссейную дороги, которые связывали центральную Германию с Восточной Пруссией. Он уже знал, что новой жертвой после Чехословакии станет Польша, и собирался пустить пробный шар, чтобы заранее начать пропагандистскую кампанию против поляков.

4

Сначала Юстина послали на Лертерштрассе, 58. Здесь находилась Психологическая лаборатория военного министерства. Ею заведовал психолог Альберт Блау. Сотрудники занимались отбором и комплектованием танковых и летных экипажей, отбирали кандидатов в разведку. Для абвера они разработали систему тестов на реакцию, сообразительность, память, выдержку, терпение, восприимчивость к физической боли, слабые и сильные стороны характера и другие волевые качества. По тому, что с Юстином работали три недели, можно было догадаться, что лаборатория интересовалась лишь теми, кто предназначался для ответственных дел.

Подписывая какую-то бумагу в тетради, похожей на медицинскую карту, доктор Блау сказал:

– Бы являетесь довольно распространенный тип интеллектуала германской расы. Желая успеха!

Юстин протянул руку к тетради, но Блау прижал ее ладонью, проговорил поспешно:

– Нет-нет. Отныне ваше личное дело вам не принадлежит. Им будут интересоваться только те, кому вы станете служить.

Через день Юстин на электричке снова выехал в Целлендорф. Школа абвера разочаровала его. Окраина городка. За старым парком просматривался двухэтажный дом барачного типа. Нет даже забора, просто невысокая оградка. У ворот никаких часовых, Юстин с трудом нашел кнопку звонка. Подошел человек в опрятном комбинезоне с граблями в руках. Он сгребал опавшие листья и складывал в кучи для компостов. «Может, ошибся адресом?» – подумал Юстин, протягивая ему повестку.

Человек повестку прочитал, отодвинул засов и молча указал на дом. Проходя по чисто выметенной дорожке, Юстин не заметил ни одной души. В окнах тоже никого не увидел. Поднялся на крыльцо, толкнул дощатую дверь. В глубине коридора слышались шаги. Широкоплечий парень в офицерской форме, но без знаков отличия, даже не взглянув на Юстина, произнес:

– Оберлейтенант Валетти? Следуйте за мной!

Он повел куда-то в подвал, свернул направо, налево, снова направо... Лампочки слабо освещали бетонные стены, обитые железом двери, похожие на тюремные. Перед одной из них остановился, загремел связкой ключей. Из комнаты дохнуло сыростью, слежалой одеждой, влажной кожей. На потолке загорелась яркая лампа в проволочной сетке. Здесь рядами стояли серо-зеленые шкафчики.

– Ваш размер пятьдесят четвертый?

– Кажется, да. Впрочем, не уверен. Я одевался у портного.

Парень поднял глаза и сказал более уверенным тоном:

– Пятьдесят четвертый, рост четыре.

Открыл один из шкафчиков:

– Здесь возьмите мундир, а свою одежду и вещи оставьте.

– У меня в вещах бумаги, записи...

– Оставьте всё, – нажав на «всё», проговорил парень.

– Простите, как к вам обращаться?

– Зовите просто Хуго, – парень открыл соседнюю дверь, включил воду: – Здесь примите душ.

– Можно спросить?

– У нас не спрашивают.

Юстин разделся, взял вешалки с обмундированием и нижним бельем, пошел в душевую.

– Размер ноги сорок третий, – не то вопросительно, не то утвердительно вымолвил Хуго и скрылся за дверью.

Вернулся он с двумя парами сапог, когда Юстин уже одевался. Форма оказалась впору. «Кажется, и впрямь папаша Штаймахер чародей, – подумалось ему. – Неужели придется породниться?» Удивило и то, что на кителе не было погон. Сапоги были новые, однако ощущалось: кто-то их носил. Позже Юстину сказали, что армейскую обувь разнашивали специальные команды «кацетников» в концлагерях. Развешивая в шкафчике свою гражданскую одежду, он не удержался от вопроса:

– Но можно взять хотя бы бумажник, фотографии, свою бритву?

– Нет, – отрезал Хуго и вручил солдатский ранец. – Здесь вы найдете все, что вам в дальнейшем понадобится.

Заперев шкафчик, душевую и гардеробную, Хуго положил ключи в карман, и они двинулись в обратный путь – теперь наверх. Снова двери, двери... Как ни прислушивался Юстин, но не слышал никаких звуков. Барак будто вымер. Хуго распахнул дверь, которая от других отличалась тем, что в нее был вделан «глазок». Юстин вошел в большую, с четырьмя окнами, комнату, увидел два ряда коек, заправленных с такой тщательностью, будто ими никто не пользовался. Хуго кивнул на одну из них:

– Эта ваша. Положите ранец в тумбочку и пойдете к Людгеру.

Поднялись на второй этаж. Только тут Юстин услышал глухой стрекот пишущей машинки. Не постучавшись, а запросто, как заходят к приятелю, Хуго открыл дверь и жестом руки пригласил Юстина. За столом сидел человек лет тридцати, с короткой шеей борца, стриженный «под бокс». Одет он был так же, как и Хуго. Чуть улыбнувшись, он сказал:

– Меня зовут Людгер. Вы здесь – Франц. Настоящее имя и звание забудьте. Ничему не удивляйтесь, ни о чем не спрашивайте. Выполняйте только приказ. Никакой самостоятельности и гражданского разгильдяйства. Занятия с группой начались. Вы несколько припоздали. Надеюсь, догоните. Хуго для всех вас – и папа, и мама, и святой отец. В ранце, что он вам дал, вы найдете уставы, учебники, книги для чтения. До обеда... – Людгер посмотрел на часы, – два с четвертью. Пока это ваше личное время. Ознакомьтесь, почитайте. Ну а завтра включайтесь в учебу. Можете идти.

Юстин повернулся через левое плечо, как и положено в армии, не с показным, но все же отчетливым рвением печатая шаг, направился к дверям. Избави бог в армии показать начальству, что ты умней и образованней, что за тебя могут заступиться люди рангом повыше. Низшие устроят такую жизнь, когда ад покажется раем. Это правило усвоил Юстин еще в школе Виндхука на военных занятиях, где отставники-офицеры самолично гоняли студентов, точно ярых своих врагов, выбивая гордыню и всякий вольный дух.

В казарме на тумбочке лежал листок с распорядком дня. 11 часов занятий, плюс 2 – самоподготовка, плюс 1 – уборка помещений и территории. На сон, еду, туалет и личное время – оставшиеся 10...

«Выдержу ли?»

Извлек из ранца уставы – строевой, полевой, дисциплинарный и внутренней службы; учебники по радиodelу, стрелковому оружию, артиллерии, бронетанковым войскам, авиации, спецподготовке, инженерной и санитарной службам... «Разве можно все это одолеть за шесть месяцев?!»

В отдельной коробке нашел безопасную бритву, пачку лезвий, одежду и сапожную щетки, авторучку и флакончик чернил, прошнурованные тетради для записи лекций.

Начало поламывать в висках. Захотелось лечь в койку и полежать. Но здесь запрещалась и эта вольность. Юстин увидел еще одну дверь. Она вела в помещение с кафельным полом, вдоль стены – раковины для умывания, дальше – кабинки туалетов. В раковину налил холодной воды

и опустил голову. Шевельнулось нечто похожее на сожаление: зря связался с этим лицедеем Пики, сидел бы спокойно у Хаусхофера и не искал приключений...

Послышался топот. «А! Новенький!» Лица, лица... Рыжие, белые, черные, конопатые...

– Познакомимся?... Густав... Вольфганг... Фриц... Манфред...

– Десять слушателей на всю школу?! – удивился Юстин.

– Десять здесь, где-то еще десять. Как льдинки в океане. А школа одна. И программа одна.

– Пять инструкторов. Но самый лютый – Хуго. Видел?

– А Людгер?

– Ему зверствовать нельзя. Он отвечает за политику.

Через минуту все умылись и бросились в столовую – в подвал, похожий на средневековый погребок. Общий стол. На первое – кусок жирной кровяной колбасы, на второе – густой гороховый суп, на третье – чай с долькой мармелада. Через пятнадцать минут с едой было покончено. Старший – Густав – скомандовал:

– Встать! Приготовиться к послеобеденному сну!

Включившись в гонку, Юстин по крутым ступенькам взлетел наверх, рывком, как и другие, скинул сапоги, брюки, китель, повесил одежду на вешалку перед койкой, отбросил одеяло и упал на сыроватую простынь, пахнущую скверным мылом. Откуда-то из желудка пришла тошнота. Судорожными глотками он пытался подавить ее, но сдержаться не удалось. Он кинулся в туалет, услышав за спиной крик: «Франц съел крысиный хвост!» и дружный смех. Увидев собственную блевотину – комочки непрожеванной багровой колбасы, поносного цвета суп, он с отчаянием подумал: нет, не выдержит...

5

Выдержал!

Инструктора учили тонкостям тайной войны, умению пользоваться холодным оружием, автоматами, пистолетами и винтовками разных систем, бесшумно передвигаться, ориентироваться ночью, подавать звуковые сигналы, бороться с вооруженным противником, стрелять на шорох, преодолевать заграждения, устанавливать мины, готовить яды из порошков, какие можно достать в обычной аптеке, водить машины, работать на рации ключом, использовать для связи тайнопись и другие средства.

Распорядок выполнялся с точностью до минут. Подъем в шесть утра. Гимнастика до ломоты в костях, завтрак – и учеба, учеба, учеба. Когда переставала соображать голова, переключались на активный отдых – турник, кольца, бег, стрельба на полигоне – и опять в классы. За шесть месяцев Юстин овладел массой приемов. В общем они сводились к тому, чтобы выполнить задание и по возможности уцелеть.

В школе давались некоторые сведения о разведках и контрразведках других государств. Приезжали на уроки те люди, которые сами имели с ними дело. Они рассказывали о работе 2-го бюро французского Генерального штаба, его успехах и провалах; о секретных службах Соединенных Штатов, Англии, Италии, Японии... Что же касается России, то лекции о ней читались не от случая к случаю, а каждый день. Восток считался главным направлением и для него готовились основные кадры абвера в Целлендорфе. Один час в сутки отдавался изучению русского языка и на семинарских занятиях – белорусского и украинского.

Инструкторы объективно оценивали трудности, с которыми придется столкнуться в будущей войне, говорили об отсутствии хороших дорог, непривычных для европейцев пространствах, тяжелых погодных условиях, упорном и терпеливом русском характере, наследственном чувстве патриотизма, которое спланивало народ в годы чужеземных нашествий и бед. Однако эти соображения слабо усваивались немцами. Критически и свысока они смотрели и на другие славянские народы.

На выпускном вечере Людгер сказал:

– Отныне вы вливаетесь в тайную армию вермахта. Никто не сможет назвать, сколько в ней солдат. Эта армия походит на гигантского спрута, охватившего своими присосками оба полушария. Подобно мужественным пионерам Африки, кто высаживался в пустыне Намиба, вы первыми начнете завоевывать новые территории, не подчиняясь никаким законам, уничтожая врага без содрогания и сожаления. Говорят: ненависть – низкое чувство. Но биологически оно бывает весьма полезным. Ярость повышает содержание адреналина в крови, способствует деятельности всего организма. Вам, разведчикам, хищным совам в темной ночи, отводится основная роль в борьбе за всемирную Германию. Аминь!

Утром слушатели спустились в гардеробную и, сдав казенную одежду, облачились в свою. Оказалось, что и Густав, и Вольфганг, и Фриц, и Курт, и еще четверо были военными из разных родов войск и имели разные звания от штаб-фельдфебеля до майора. Они уезжали в свои части. Только десятый, Юстин Валетти, надел гражданский костюм. Товарищи по школе удивленно переглянулись, но спрашивать не стали. Их уже отучили задавать вопросы друг другу, даже если питались из одного котелка, вместе корпели над учебниками, вместе спали, проливали пот на плацу и полигонах. Дружба и откровенность не поощрялись тоже.

Юстин поднялся к Людгеру. В отличие от других ему не выдали на руки никакого документа и направления. Куда идти – на прежнюю работу или к Пикенброку? Когда он попытался выяснить у Людгера свое положение, тот, набычившись, ответил:

– Решайте сами. Мы свое сделали.

Глава вторая

Оставить в прошлом

«Вся страна уходит из мира реальности и начинает жить в мире фантазии, в мираже. Цифры перестают что-либо значить, они становятся лишь символом желания бежать вперед, как воздушный шар они уносят страну в несуществующий мир».

Михаил Геллер. «Утопия у власти».

1

Ночью Георгий Иосифович почувствовал, как сжало в груди, стало трудно дышать. Он нащупал на ночном столике таблетку валидола, сунул под язык. Вот уже несколько последних лет сердечная болезнь все плотнее подступала к нему, лишая сил, возможности быстро двигаться, что-то делать, о чем-то размышлять. Горло превращалось как бы в игольное ушко, через которое он с трудом всасывал воздух.

Осторожно, чтобы не разбудить Наталью Алексеевну, он повернулся на спину, высвободил затекшую руку. Ощущая прохладный, спасительный холодок во рту, он стал припоминать, когда все это началось...

Сослуживцы относили комбрига Ростовского к типичному разряду военспецов, принявших революцию, но не понявших ее сути. На самом же деле Георгий Иосифович, как человек разносторонне образованный, дальновидный, внимательно следил за зигзагами тяжело и кроваво рождавшегося нового строя.

После Кронштадтского мятежа и прокатившихся по стране крестьянских волнений, разоренных продразверсткой, X съезд партии принял программу новой экономической политики. Разверстку заменили налогом. Крестьяне стали больше сеять, продавать излишки, не опасаясь конфискации. Появились мелкие частные предприятия, иностранные фирмы на концессионных началах получили право брать в аренду заводы, рудники, прииски. В промышленности вводился принцип хозрасчета и самоокупаемости. НЭП сорвал путы военного коммунизма, которыми были перетянуты кровеносные сосуды государства. Задымили трубы заводов, в свободной продаже появились хлеб, мясо, овощи... Стали продавать и водку, отмененную царем в начале мировой войны. Правда, она имела половину принятой крепости – была двадцатиградусной. Ее тут же окрестили «рыковкой», поминая таким способом имя заместителя председателя Совнаркома Рыкова, тот подписывал указ о введении государственной монополии на водку, и сам не чурался рюмки.

Наталья Алексеевна, привыкшая к миллионам ничего не стоивших дензнаков, приятно удивилась, когда Георгий Иосифович принес жалованье в новых червонцах. На них можно было купить все, что тлелось в магазинах и на рынке.

«Ах ты, бедняжка!» – подумал он, с нежностью взглянув на исхудавшую красавицу жену.

Раньше деньги выпускали все – советская власть, белые генералы, города, заводы, управы. Даже Юденич перед походом на Петроград приказал отпечатать свои знаки. Позднее эстонские кондитеры приспособили их вместо конфетных оберток. В Гражданскую войну бумажки с гербами потеряли цену. Им полагалось отмереть, поскольку чудо коммунизма мерещилось завтра-послезавтра. Теперь железная логика экономики продиктовала свои условия и вынудила провести денежную реформу.

Ростовский служил в Военно-инженерной академии. Позднее ее назвали именем Куйбышева. Удивительно, но все беды и страдания, потрясавшие страну и миллионы ее граждан,

внешне как бы не задела его. Он читал лекции, вел ценную и сложную исследовательскую работу, погружаясь в нее целиком и безраздельно. Но рядом с ним жила хрупкая, мятущаяся душа – Наталья Алексеевна. Она работала в Госиздате. Дочь одного из умнейших передовых профессоров Московского университета Алексея Захаровича Бородина, воспитанная на мечтах о свободе и братстве, попросту не выносила насилия диктатуры, чей хлыст особенно больно бил по интеллигенции. Не выдержал же однажды Виктор Шкловский, воскликнув: «Искусство должно двигаться органически, а его регулируют, как поезд!» Жаловался и старый писатель Вересаев: «Общий стон стоит по всему фронту современной русской литературы. Мы не можем быть сами собой. Нашу художественную совесть все время насилуют. Наше творчество все больше становится двухэтажным – одно мы пишем для себя, другое – для печати». Даже лихой комсомольский поэт Александр Жаров ворчал: «Грозь отметкой в партбилете, петь грустных песен не дают». Ленинградский писатель Евгений Замятин доказывал, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари и скептики.

Георгий Иосифович стал замечать у жены симптомы надвигающейся болезни. Сначала они проявлялись в тревоге, бессоннице, головных болях, потом – в безудержном страхе. Телефонный звонок, колокольчик на дверях, гудок автомобиля, скрежет трамвая на улице повергали Наталью Алексеевну в панику. Она боялась оставаться одна. Часто, казалось бы без видимых причин, плакала. Ей все время хотелось куда-то скрыться, забиться в угол, чтобы никого не видеть и не слышать. Ростовский прибег к проверенным средствам – валерьянке, морфию, понтапону, однако эти лекарства помогали ненадолго. Внешних раздражителей оказывалось больше, и били они по нервам намного сильнее обезболивающих и успокаивающих средств.

13 июня 1937 года «Правда» напечатала приказ Ворошилова. В нем сообщалось об аресте группы высших военачальников, признавших в предательстве и расстрелянных по приговору военного суда. Георгий Иосифович почти физически ощутил, как под ногами колыхнулась почва, приблизились раскаты кровавого грома. Он не чувствовал за собой никакой вины, как не могли в чем-то обвинить Наталью Алексеевну – тихую редакторшу художественного издательства. Участились аресты в армейской среде. Он пытался хранить спокойствие, а она металась, куда-то рвалась, билась в истерику. Здоровье ее ухудшалось катастрофически. Чтобы не тревожить своими страхами мужа, она захотела переселиться на кухню, но Георгий Иосифович запретил ей делать это. Она закрывала все форточки, одеялами закрывала окна, однако ночные звуки терзали обострившийся слух. С улицы доносились приглушенный рокот «эмок», возня, беспомощные вскрики, хлопки закрываемых дверей.

Однажды очнувшись ото сна в холодном ознобе. В короткой июльской ночи осторожно, точно крадучись, прошелестел шинами легковой автомобиль. Лязгнула дверца. Раздался скрип сапог. «Это за ним!» – Наталья Алексеевна почувствовала, как зашлось сердце. Но постучали в соседнее парадное... И тут исстрадавшаяся душа не вынесла. Наталья Алексеевна тихо поднялась, надела любимое платье, на тумбочке оставила записку: «Милый Георгий Александрович, прости...»

Трамваи еще не ходили. Улицы были пусты и мертвы. Ни в одном окне не горел свет. Лишь изредка с притушенными фарами проносились черные лимузины и фургоны-полупотки. Татам из органов в эти часы хватало работы. По Софийской набережной она прошла к Каменному мосту, остановилась на смотровой площадке. Кроваво пылали в темном небе рубиновые звезды. Розовел восток. Из темно-синего мрака медленно выявлялись золотые купола соборов и колокольня Ивана Грозного. Плоским желтым фасадом, подсвеченным сонными фонарями, выступала громада Большого Кремлевского дворца.

Ей показалось, что она очутилась на Луне в той стороне, которую никто не видит с Земли. А когда рассветет, когда ее уже не будет, Луна повернется к людям привычным боком. Из репродукторов понесутся бодрые песни. Загудит всем знакомый бас: «Я другой такой страны не

знаю, где так вольно дышит человек...» Снова и снова в кинотеатрах станут показывать находчивых «Веселых ребят», «Чапаева», «Волгу-Волгу». Призывную переключку устроят заводы. Торопливые москвичи заполнят метро, автобусы, трамваи. По умытым улицам потечет деятельная толпа, свято верящая в дарованное счастье бороться и побеждать. Промчится день, упадут сумерки, и Луна опять развернется обратной стороной.

Наталья Алексеевна навалилась на гранитную глыбу парапета, подтянулась на локтях, припала животом к холодному камню. Тело уравнилось на грани между жизнью и смертью. Оставалось мгновение, когда можно было выбрать жизнь. Но в вечном страхе жить не хотелось. Невесомая, точно бабочка, она скользнула вниз и бесшумно ушла в воду. За века веков Москва-река приняла столько людей, что перестала удивляться...

Георгий Иосифович похоронил жену молча. Делиться бедой было не с кем. Отцы боялись детей, сосед – соседа, друг – своего друга. Торжествовала нечисть. Выплеснувшись с самого дна, опьянев от крови, она скоро стала жрать себе подобных. В разгуле насилия, тупой преданности ханжества и лжи Ростовский уцелел чисто случайно. Возможно, потому, что от природы был сдержан и учтив, не имел явных врагов, не занимал такого места, на которое мог бы позариться другой. А скорее всего, он просто не попал в тот гениально вычисленный вождем процент «вредителей», который неизбежно возрастал по мере успехов социализма.

Чума стала затихать к концу 1938 года. Очевидно, дьявольская бухгалтерия озадачила самого «отца народов», и он, как это случалось раньше, предостерег своих опричников от головокращения. Вирус на время затих, прикинулся мертвым, чтобы потом дать новую вспышку.

2

Постепенно поутихла боль в душе Георгия Иосифовича. Помогла работа. Помог и совсем молодой человек по имени Павел Клевцов. В этом невысоком, крепеньком, как гриб-боровичок, адъютанте сохранилось много мальчишеского и дерзкого. Какие только идеи не вспыхивали в его голове, и он с жаром устремлялся на их осуществление. Еще работая на Коломенском паровозостроительном заводе после окончания Бауманского высшего технического училища в период челюскинской эпопеи, он придумал катер-вездеход, способный преодолевать торосы, вылезать на кромку льда или берега, двигаться по воде. Клевцов рассчитал герметичный кузов, гусеницы, дизельный мотор, кабины для экипажа, пассажиров и грузов. Проект его технически был прост и выполним. Появившийся много позже «Пингвин» почти полностью повторял клевцовские параметры. После одногодичной службы и решения остаться в армии на исследовательской работе, он уже в академии начал воевать с российским бездорожьем. Дороги, эти кровеносные системы всякого хозяйственного организма, нужны были не только в мирной жизни, но и в войне для быстрого маневра техники и живой силы, регулярного подвоза боеприпасов и резервов. Он был убежден, что в будущих сражениях, войне машин, они сыграют столь же решающую роль, как мощность огня, несокрушимость обороны, таранность наступления. Павел сконструировал скоростную машину, которая бы прокладывала путь в поле, молодом лесу, кустарнике. По расчетам получалось, что она могла двигаться со скоростью до 14 километров в час, оставляя после себя удобную дорогу для танков, бронев автомобилей, тягачей. Один образец такой дорожной машины изготовили на заводе, провели испытания. Однако высокие военные чины, расправившись в годы черного террора с многими дальновидными теоретиками, собирались вести войну на чужой территории, в Европе, где дорог и так было достаточно, и поэтому проект отвергли. С пылом, свойственной молодости, Клевцов загорался новой идеей и принимался за разработку. Именно эта его одержимость и понравилась профессору Ростовскому.

Много лет Георгий Иосифович занимался темой минного обеспечения войск. Когда-то «мина» отвечала точному переводу этого слова с французского: «подкоп». Осаждающие проделывали в земле проходы под стены крепости, закладывали мешки с порохом, подрывали и через пробоины врывались в город. Так пала, к примеру, Казань, взятая ратниками Грозного. Но со временем мины получили настолько широкое распространение и так видоизменились, что воюющие армии просто не мыслили обходиться без них. Они поражали живую силу и технику, разрушали дороги и доты, затрудняли неприятелю маневр.

В их конструктивной схеме не было ничего сложного: заряд взрывчатки, взрывное устройство и корпус из металла, дерева или пластмасс. Различались они по способу приведения в действие, срокам срабатывания, устройству взрывателя, назначению. Мина нажимного действия взрывалась от нажатия на нее ноги человека, гусеницы танка, колеса автомобиля; натяжного – от натяжения проволоки или капроновой нити; объектная – от взрывателя замедленного действия, от команд, передаваемых по радио или проводам. Некоторые мины делались с предохранителями, которые обеспечивали безопасность при установке элемента неизвлекаемости и необезвреживаемости, самоликвидатора и других хитростей.

Поскольку противник перед наступлением стремился проделать проходы в минных полях, неизвлекаемая инженерная мина снабжалась самыми неожиданными механизмами, вызывающими взрыв даже при попытке сдвинуть ее с места. Ими и занимался в основном Георгий Иосифович и его ученики. Каждый из адъютантов решал какую-либо одну задачу. Кто-то исследовал способы взрывоустойчивости, позволявшие мине сохранять боеспособность после артиллерийского огня, конструировал взрыватели с малой площадью элементов, добивался того, чтобы они не срабатывали от кратковременной взрывной нагрузки. Другой изучал

системы мин замедленного действия, выпускаемых в других странах, где применялись часовые, химические, тепловые, магнитные и другие механизмы замедления. Третий придумывал собственные конструкции, предназначенные для выполнений специальных задач, – магнитные диверсионные, сигнальные, мины-ловушки и т. д.

Павлу Клевцову Ростовский поручил решить довольно трудную, но перспективную проблему инженерной борьбы с танками противника. К танкам Павел испытывал давнее влечение. Еще мальчишкой он читал истории о том, как выходили на поле боя броневые силы. В знаменитом сражении на Сомме 15 сентября 1916 года впервые применили танки англичане. Правда, из 32-х машин в бою участвовали лишь 18, остальные вышли из строя из-за технических неполадок, а иные застряли в болоте. Потом танками вооружилась Франция, позже – Германия. Массовое применение броневых машин осуществили опять же англичане в сражении у Камбре 20 ноября 1917 года, когда в атаку пошло 378 танков. Об эффективности нового вида оружия в изящной фразе отозвался прусский генерал фон Цвель: «Нас победил не гений маршала Фоша, а генерал Танк».

После войны изменилась конструктивная схема танка. Боевое отделение выделилось в самостоятельную вращающуюся башню с пушечно-пулеметным вооружением, повысилась толщина брони. Советская промышленность освоила выпуск нескольких типов танков. Легкий БТ-7 образца 1935 года по скорости, ходовым качествам и конструкции башни, вращающейся на 360 градусов, превосходил зарубежные образцы. Однако он сильно уступал в огневой мощи. Впрочем, бывшие кавалеристы, вставшие во главе тогдашнего автобронетанкового управления, на это совсем не обращали внимания. «Главное в танке – скорость, а не огонь», – подчеркивали они. Идея «механизированной кавалерии» нашла отражение даже в популярном «Марше танкистов»: «Броня крепка, и танки наши быстры...»

С совершенствованием танков улучшались и методы борьбы с ними. На срочной службе Павел был наводчиком противотанкового орудия и знал, что не так-то легко поразить цель. Надо было вести сложные расчеты, работать подъемными и поворотными механизмами, переносить огонь с одного танка на другой...

В подмогу артиллерии придумали специальные противотанковые мины. Их зарывали в землю на танкоопасных направлениях. По назначению они делились на противогусеничные, противоднищевые и противобортные. Наибольшее распространение получили противогусеничные фугасные мины – они срабатывали при наезде на них танка или другой тяжелой машины. В них закладывалось от 5 до 10 килограммов взрывчатки – обычно тротила, тэна, аммонала или гексогена. Если учесть, что заграждения ставились на обширной площади, то надо было завозить и таскать на себе тонны и тонны груза, что не проходило незамеченным для вражеских наблюдателей и разведчиков. Клевцов поставил перед собой такую задачу: максимально снизить вес мины и увеличить ее мощность. Вещи, казалось бы, взаимоисключающие. Но он избрал совершенно новый тип заряда – кумулятивный, основанный на эффекте концентрации взрыва в одной точке. При воздействии на взрыватель срабатывала граната, выполненная в форме конуса из мягкого металла. Подобно прищепке, она вонзалась и обжимала броню. Раскаленный направленный взрыв с температурой более трех тысяч градусов и скоростью мгновения – 15 километров в секунду – прожигал металл, врывался внутрь танка, поражая экипаж, ходовую или моторную часть. Поскольку направляющая труба нацеливалась на менее защищенные в сравнении с лобовыми листами борт или днище, вес кумулятивной мины снижался почти вдвое.

Все детали он вытачивал сам, стараясь сделать их взаимозаменяемыми, легкими при сборке. Когда он включал токарный станок, в эти минуты с нежностью вспоминал приемного отца Карла Вольфштадта – неугомимого труженика, мастера высокой пробы, который славился не только в Покровке, нынешнем Энгельсе, но и во всей Саратовской области. Из обычной болванки Карл мог изготавливать самую замысловатую деталь. Он ремонтировал сеялки, жнейки,

трактора, швейные машинки, велосипеды, громадные локомобили и миниатюрные дамские часы. Когда к нему прибил изголодавшийся малец, потерявший родителей в страшный для Поволжья голод в 1921 году, он и его стал исподволь приучать к посильному ремеслу. Начинать обучение старый мастер с главного – умения ценить время.

– Не думай, что у тебя все впереди. Знай, сегодняшний день – самый ценный, береги его. Потерянная минута невосполнима, – говорил он Павлу.

Для него минута была не просто единицей измерения абстрактного времени, а конкретной величиной трудовых усилий. Время, ушедшее на поиск инструмента, он считал затраченным впустую. Он организовывал рабочее место так, чтобы все было под рукой и на постоянном месте: здесь – штангель и циркуль, здесь – патроны и стаканы нужных размеров, там – зажим и наждачная шкурка... Чтобы избежать переналадок станка, Карл группировал детали по их технологическому принципу и конфигурации. А уж когда включал станок, можно было часами завороченно глядеть на его скупые и точные движения, слушать мелодичную песню резца, из-под которого бежала микронная струйка металлической стружки.

Учился Павел в немецкой школе. Вернувшись с уроков, он выполнял домашние задания и бежал в кирпичную пристройку мастерской – там было куда интересней, чем на улице. Он ощущал себя не дармоедом, а тружеником, и это чувство крепло в нем вместе с благодарной любовью к Карлу и Марте – нынешним родителям. Его не угнетали даже ежевечерние бдения, когда старик садился к огню и приступал к поучениям. Как всегда, он был прав. Разве можно было возразить его словам: «Посеешь знание – пожнешь убеждение, посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу»?... Попыхивая трубкой, зажатой в углу рта крепкими еще зубами, прикрыв простоватые глаза рыжими веками под густыми и лохматыми, как у скайтерьера, бровями, он рассуждал о безрассудной спешке большевистских промышленников, для которых главным аргументом были наган, горло и мат, но никак не экономический расчет. По мнению Карла, они не понимали простой истины: считать и беречь средства, материалы, физические усилия – это значит беречь овеществленный труд людей. Стремление перепрыгнуть через время вело не только к материальным потерям, но и наносило огромный моральный урон. Они выбивали из рабочего человека инициативу и достоинство, плодили халтурщиков и невежд.

Его настороженная натура не терпела пустозвонства, плана и вала. В них он видел глубинную разрушительную силу, как и в пяти- и даже десятикратных запасах прочности. Существующие методы расчета деталей машин и элементов в конструкциях рождались от поголовной неграмотности, от незнания свойств материалов, неумения рассчитывать напряжения, возникающие в работе. Это вело к чудовищному расходу сил и средств, дорогостоящего металла.

– Человек работает плохо сегодня, потому что его плохо воспитали вчера, – продолжал Карл, искоса поглядывая на Павла, делавшего вид, что наблюдает за огнем в печке. – Если я желаю человеку счастья, то должен готовить его не к счастью, а к труду. Толковый полезный труд – только он приносит счастье...

Не прошли даром эти уроки. Унаследованные с детства трудолюбие, любовь к математике и расчетам, умение придать абстрактной форме зримый объем – сделали из Павла настоящего конструктора. Он научился владеть приемами компоновки будущего изделия, сравнивать заданные требования к нему с другими уже существующими конструкциями. Подобно художнику, который еще не прикасаясь к холсту вынашивает сюжет новой картины в своем воображении, конструктор в уме создает идею своего детища. Затем переносит ее на ватман в виде эскизного изображения. Павел перебрал много вариантов, постепенно улучшая идею. Затем приступил к детализации. Здесь пришлось решать большие и малые задачки, отыскивать простые и ясные ответы. Он выполнил три варианта мин с кумулятивным зарядом. Ростовский долго рассматривал чертежи, рассеянно выслушал объяснение и произнес:

– А теперь объедините все лучшее в одной коробке.

– Это невозможно, Георгий Иосифович. Улучшишь одно – ухудшишь другое. Уже пробовал.

– В таком случае конструкция несовершенна.

Профессору было знакомо чувство, присущее творческим людям. Когда человек заканчивает разработку своего изделия, появляется двойственное чувство – удовлетворения и разочарования. Он удовлетворен тем, что созданная вещь живет и действует, а неудовлетворен потому, что в процессе создания у него возникли новые идеи: ах, если бы начать все сначала, он бы создал изделие иначе, совершеннее, интереснее. Вот почему Ростовский призывал Павла еще раз перепроверить идею, отыскать оптимальный вариант.

Наступил момент, когда дальнейшие модификации показались Павлу просто невыносимыми. Лишь тогда комбриг разрешил собирать мину. Две трубчатых направляющих, по которым устремлялась взрывная сила, обеспечивали точное попадание в цель. Оставалось начинить мину взрывчатым веществом, действующим с наилучшим эффектом. За это брался сам Георгий Иосифович. Он занимался взрывчатыми веществами еще до Русско-японской войны, и когда работал на пороховых заводах, и когда служил в технической лаборатории Императорского Генерального штаба, и когда изобретал новые смеси, участвуя в вооружении молодой Красной армии. Он нашел и опробовал наиболее сильную взрывчатую смесь. Для испытаний Павел начинил ею десять мин и отвез их на полигон в Нахабино.

Первую опробовали элементарным способом. Зарыли в землю, над нею приподняли бронированную плиту, поставив распорки. К ним привязали бечевку, которую по команде должен был дернуть боец из окопа.

Георгий Иосифович и Павел вошли в бункер. Отсюда хорошо просматривались и плита, и боец в каске.

– Без начальства куда лучше, – заговорщицки произнес комбриг. – Волнуетесь?

– Есть маленько, – сознался Павел. – Разрешите начинать?

Он просунул в амбразуру флажок, сосчитал до десяти и резко опустил древко к земле. Отчетливо, но глуше обычного фугаса, прогремел взрыв. Сдерживая себя, чтобы не перейти в бег, Павел пошел вместе с Георгием Иосифовичем к плите.

– Дырки насквозь! – издали крикнул боец.

Профессор наклонился над плитой. Два сизых оплавленных отверстия прорезали по наклону 60-миллиметровую броню, словно автогенном.

Остальные мины испытывались в присутствии заинтересованного народа – представителей инженерных войск, автобронетанкового управления... Через линию, где были заложены мины, теперь буксировали хотя и давно списанный, но настоящий танк. Его тянули на трогах два трактора. Танк упирался, буровил землю износившимися гусеницами, как бы сопротивлялся, не желая погибать. Когда шлицы давили взрыватель, то яростный огонь впился в днище, через секунду из стальной коробки повалил лохматый дым, затрещали патроны, утробно бухнули взрывпакеты, набросанные перед этим в танк для наглядности картины. Несообразность минного хлопка и миг разбушевавшегося пожара поразила командиров. Они молча переглянулись. Полковник из автобронетанкового управления потянулся к листку, где под копирку была отпечатана техническая характеристика новинки. Наклонившись к Ростовскому, он спросил:

– Здесь указывается вес, это не опечатка?

– Нет. Ровно три килограмма.

– Получается, вместо одного противотанкового фугаса теперь можно ставить три подобные мины? Иными словами, втрое увеличивается плотность минных заграждений?

Ростовский кивнул седой головой.

– Выходит, чтобы разминировать поле, придется приложить втрое больше усилий? – вмешался сапер из инженерного управления.

– Конструктор предусмотрел в этой мине элементы неизвлекаемости и необезвреживаемости, – улыбнулся Георгий Иосифович. – Так что усилий, о которых вы говорите, придется потратить много больше.

Профессор явно гордился успехом своего ученика, но Павел, остро прислушивающийся к разговору, вдруг представил себе минное поле, ряды и витки колючей проволоки, снайперов, выбивающих ползущих со шупами людей, настильный артиллерийский огонь... Мало, чтобы уцелеть, надо еще найти в этом аду мину, попробовать ее разоружить... Не исключено, что и у противника появятся сходные ловушки, – тогда что делать?

Идея кажется простой, когда полностью обретает свой облик. Ну, почему, спросят, так долго бились над ней, она же проще яйца?! Почему в истребителе оставалась открытой кабина, летчика жег воздушный поток и ледяной холод на высоте, а вот закрыл ее Вилли Мессершмитт органическим стеклом на своем знаменитом Me-109 и прекратились все муки? Почему с появлением паровых котлов в морском флоте не сразу воспользовались дизельным топливом, не догадались установить менее емкие цистерны для жидкого горючего, а сжигали горы угля? Почему простейший манипулятор в танке, подающий снаряды в казенник, придумали спустя десятки лет после появления бронированной техники?... Павел назвал бы тысячи этих «почему». Но при испытании первой кумулятивной мины он почувствовал только первый ветерок от мысли, которая позже лишит его покоя и сна. Она лишь подсознательно скользнула в голове, заставила вздрогнуть после того, как представил каторжную работу саперов на минных полях во время боя. Чем можно заменить живых людей? Какую найти силу, чтобы избавить их от кровавого труда?...

3

Как всякий думающий человек, Павел все чаще и чаще вставал в тупик перед разницей между показухой и тем, что творилось на самом деле. «Кадры решают все», «Человек – самый ценный капитал», – и в то же время миллионы здоровых людей везли в Сибирь и на Север на верную смерть, другие миллионы загнали в колхозы, как на барщину, приковали к станку, отняв права перехода на другую работу. Вероломная система мастерски дурачила даже мудрых людей. Так обвели вокруг пальца Эдуарда Эррио, который в самый разгар голода ездил на Украину и не увидел умирающих людей. Ничего не сумел рассмотреть в парадном окружении и старый Ромен Роллан. «Я видел будущее, и оно действует», – утверждал видный американский журналист Линкольн Стеффенс, поверивший, будто Советский Союз – это радостное завтра всего человечества. Анри Барбюс, Генрих Манн, Эмиль Людвиг писали восторженные книги о «стране социализма». Правда, Бернард Шоу в разговоре со стахановцем, утверждавшим, что его любят товарищи, недоумевал, ибо на родине знаменитого сатирика за перевыполнение норм английские рабочие бьют по голове кирпичом. Вот уж действительно в СССР все наоборот – даже в тюрьмах узникам живется так сладко, что главная забота тюремных властей – это «убедить заключенных, отбывших срок, выйти из тюрьмы».

Однако находились и такие, кто в дыму беспардонной лжи пытался разглядеть правду. Во время поездки по СССР румынский писатель Панаит Истрати говорил, что преступно строить новый мир на грабеже и насилии. Ему отвечали: «Нельзя сделать омлета, не разбив яйца». Истрати парировал: «Я вижу разбитые яйца, но не вижу омлета». Французский шахтер Клебер Леге решил записывать все факты и цифры, чтобы не дать себя обмануть. В конце 1936 года он увидел цены на продовольственные и промышленные товары: сало – 18 рублей за килограмм, мужские ботинки – 290, детский костюм – 288 рублей... Он узнал, какая у рабочего зарплата. Оказалось, 150–200 рублей, пенсия – 25–50 рублей. Его, потрясенного, успокоили тем, что в капиталистических странах живут лучше, однако положение у них ухудшается, а в советской стране, наоборот, улучшается...

Такие сведения конечно же не доходили до простого народа. Но жена Павла – Нина – работала в инженерной академии преподавателем немецкого языка, иногда приносила домой французскую, немецкую, английскую прессу, кое-что попадалось Павлу на глаза. Отец Нины, германский коммунист, уехал в Испанию в 36-м, воевал в бригаде имени Тельмана. После того как интернациональные войска ушли во Францию, его следы затерялись. Куда только не обращалась Нина – в Коминтерн, НКВД, ГРУ Красной армии, где выполняла некоторые переводческие поручения, – всюду получала один ответ: судьба неизвестна.

Летом 1939 года Павел уезжал на лагерные сборы. Отсутствовал два месяца. Приехал в сентябре поздно вечером. Нина прижалась к нему и, не сдержавшись, вдруг заплакала, заплакала тихо, беззвучно, как плачут от большого горя лесные зверушки. Павел чувствовал, как вздрагивали остренькие ключицы, как теснило в груди от любви и нежности.

– Если бы ты знал, что я прочитала недавно, – вырвалось у нее, как стон.

...Она проснулась среди ночи. Тревога, которая вот уже несколько месяцев терзала ее, передалась и Павлу. Он тоже открыл глаза, спросил шепотом:

– Почему не спишь?

– Думаю...

– Думают днем, ночью спят.

Нина притихла, обдумывая опасный для себя, да и для Павла, вопрос: сказать или не сказать? Говорить она не имела права. При допуске к секретной работе она подписывала документ, запрещавший разглашать государственную тайну кому бы то ни было. Но как молчать перед верным ей человеком, единственным и любимым, который ждал от нее правды, а недо-

молвки принял бы за предательство? Скрывать, прятаться, уходить от ответа перед мужем она посчитала противоестественным и порочным. И она решилась:

– Мне довелось читать и переводить такое, отчего стыла кровь. Это невыносимо. Об этом надо молчать даже перед казнью.

От сильного волнения она не заметила, как стала шептать на родном языке:

– В Германии хватают коминтерновцев и коммунистов... У нас тоже много людей идет под топор... Говорят, виноват Вальтер Кривицкий, но я-то знаю виноватых.

– Кто такой Кривицкий?

– Наш резидент в Западной Европе. Его направили в Рур еще в двадцать третьем. Тогда считали, что вот-вот начнется революция в Германии и надо организовывать немецкую Красную армию и ЧК. На Западе он выпустил книгу «Я был сталинским агентом». Сейчас за ним охотятся, чтобы убить.

– Почему он сбежал?

– Начались аресты. В числе «врагов народа» оказались его непосредственные начальники. В Москве его бы наверняка расстреляли. Тогда он скрылся. – Нина выскользнула из-под одеяла, взяла с комода помещенную в рамку фотографию отца, отогнула обратную картонку и вытянула вырезку из какой-то немецкой газеты. – Здесь напечатан только отрывок.

Подавшись к ночной лампочке, Павел начал читать. Первые же строки повергли его в смятение. «Это же стенка!» – подумал он и с тревогой взглянул на жену. Нина смотрела на него прямо, в упор, словно хотела заглянуть в самую душу.

– Ты должен знать и это, – с достоинством произнесла она.

«В плохо защищенном городе зарождалась смертельная ненависть к организаторам-коммунистам.

– Вот увидите, близок день, когда чернь разорвет их на улицах в клочки. Сожгут их осиные гнезда, полные доносов, как сожгли монастыри. Боюсь только, что это произойдет слишком поздно, после окончательного поражения, в окончательном хаосе...

– Они живы только ложью, самой гигантской, самой возмутительной ложью, которую когда-либо знала история с тех пор, как ловко была похищена идея христианства... Весь этот сброд стремится к власти, потому что в ней видит верное средство завладеть трудами ближнего, плодами его трудов, его женой, если она хороша собой, его убежищем, если оно удобно...»

– Что же это такое? – в растерянности проговорил Павел.

– Это правда, – глухо сказала Нина и опустила голову.

– Кто написал?

– Виктор Серж. Настоящее его имя Виктор Львович Кибальчич.

– Не родственник ли народовольца Николая Кибальчича, кто делал бомбы и перед казнью изобретал ракеты?

– Племянник. Бывший коммунист. Сталин засадил его за решетку, но Ромен Роллан, когда был в Москве, похлопотал за него, и он уехал во Францию.

– Как же он мог такое... про партию? – помимо воли в голосе Павла прозвучал почти суеверный ужас.

– А разве это не так?

Во что верить? На что надеяться? Чем жить? Сопротивляются кулаки и подкулачники в деревне, вредители в городе, шпионы в армии. Да сколько же их должно быть, чтобы сотворить сбой в громадной государственной машине?! Он еще раз посмотрел на Нину. Она же приехала в Россию из другого мира вместе с отцом-эмигрантом. Она не понимает, что, может быть, только через кровь и очищение надо строить новое общество. А почему обязательно через кровь? Зачем нужно лучезарному завтра столько жертв?

– Что же делать? – потерянно переспросил он.

– Жить, – просто и односложно ответила Нина.

– Как?!

– Как жили. Все равно это наша страна. Куда ж мы от нее уйдем?

Они еще долго сидели, прижавшись друг к другу, точно жених и невеста, – два человека в клокочущем мире, где соединились правда и ложь, вера и безверие, порядочность и лесть, сила и слабость, счастье и горе, ум и глупость, любовь и ненависть... Они были малы и ничтожны в нем, но так же неистребимы, что в молекуле атомы. И оба подумали об одном и том же – если уж существует на свете правда, то за нее и надо бороться, как боролись со злом издавна на Руси от первых еретиков до истинных праведников.

4

Нина и Павел занимали десятиметровую комнату в доме интернационалистов на Полянке, зарабатывали около трехсот рублей, этих денег двоим вполне хватало. Единственное, в чем они испытывали нужду, было свободное время. К восьми часам они уезжали на службу, возвращались в девять-десять вечера, на примусе варили самую распространенную в те времена перловку, кипятили чай. После ужина освобождали стол от посуды, и каждый со своего края раскладывал свои бумаги. И так ежедневно, без выходных и отпусков. Павел как-то еще крепился, но слабенькая, хрупкая Нина понемногу начала сдавать. Пропал аппетит, появились головные боли. Почти силком Павел сводил ее к врачу. Тот поставил диагноз: переутомление, сердечная недостаточность. Краснея и заикаясь от непривычной ситуации, Павел попросил Ростовского походатайствовать перед начальством об отпуске для себя и Нины.

Двенадцать оплаченных дней полной свободы получили они. На поездку к югу не хватало времени да и денег. Решили просто сесть в поезд и сойти там, где понравится. Купили палатку, спальные мешки, удочки, запаслись крупой и консервами. Отъезжали с Савеловского вокзала. Погрузили вещи в вагон, заняли места у окна. Наконец дважды звякнул колокол, протяжно загудел паровоз, от вагона к вагону покатился лязг буферов – поезд тронулся. Павел взглянул на порозовевшую от волнения Нину:

– У нас говорят, с богом!

– С богом! – отозвалась Нина.

Поезд не успевал набрать скорости, останавливался у каждого столба. Он шел в Ленинград кружным путем через старые русские поселения – Икшу, Яхрому, Дмитров, Талдом, Кимры, Пестово, Бугодошь и Мгу. Мимо окон неторопливо плыли сырые хвойные леса, желтые березовые рощи. Почерневшие ветряные мельницы махали вслед дырявыми крыльями, точно старые птицы. Поблескивали тихие речки. Они струились между кудрявых ив, несли на себе опавшие листья. Было грустно от покосившихся домов, ветряков, дорог, заросших осотом и иван-чаем, – свидетелей некогда буйной жизни.

Перед Икшей сошли последние дачники, на облезлых лавках остались сидеть суровые старухи в черном и ласковые старики в валенках с высокими калошами из автомобильных камер, заросшие, как седые ежи. У Яхромы набила сая молодых ткачих с местной фабрики, но и они скоро сошли. Вдаль убегали леса и покатые холмы. Поезд шел и шел неспеша проглатывая километр за километром.

Нина вынула из рюкзака книжечку Коллинза «Летчик испытатель», она недавно вышла, и ею все зачитывались.

– Погадаем? – предложила она. – Где?

– Сто пятьдесят первая, седьмая сверху.

Она нашла нужную страницу и прочитала: «Но пришли тяжелые дни. Сияние померкло, и проступили зеленые цвета. Честолюбие, деньги. Любовь, и заботы, и горе. Любопытно, как сильна сила слабости в женщинах и их детях, когда видишь, что твои мечты, невысказанные, глядят их глазами. И старше я стал, и беспокойные дни наступили на земле...»

– Сойдем здесь, – сказала она.

Как раз остановился поезд. Справа заключенные рыли канал. Слева, на пригорке, темнело село, а за ним виднелся лес. Они прошли через село под обстрелом пугливых и любопытных глаз, потом тропа увела в почти таежную глушь. Запахло сладковатой прелью и зрелой брусникой. Под ногами похрустывали, будто вскрикивали, засохшие сучья, шумела трава, в которой бились поздние осенние бабочки. Они вышли на луг. Змейкой бежала по нему желтая речка Волокуша, обросшая ольхой, окруженная коричневыми копнами сена. Переправились

по давным-давно срубленному дереву на другой берег и попали в еще более густой и дремучий сосновый бор.

На взгорке нашли удобное место, поставили палатку. Пока запасались дровами, стало темнеть. Вечерняя заря пропылала на вершинах, а в самом лесу сразу настала ночь. И костер запылал ярче, и горел долго, постреливая сушью. А когда немного поугас, за черными тенями сосен и вьющимся сиреневым дымком появились раззолоченные крупные звезды, каких никогда не видели в городе.

Они сидели у костра, глядели на огонь и молчали. Пламя завораживало, как завораживает музыка. В глубокой тишине ночи, во всем уснувшем мире, казалось, бодрствовали только они, и не хотелось произносить никаких слов, потому что у счастья слов не бывает. Было и грустно, и радостно. В их короткой жизни судьба подарила эту щедрую ночь, и завтрашний день, и еще десять ночей, а потом грозу – последнюю, теплую, могучую грозу в угасающей осени, и огромную, жгучую радугу, разбросившуюся от горизонта к горизонту.

В этом девственном глухом лесу они прожили две недели, как в дикий пещерный век. Они дурачились, бегали наперегонки, лазали по деревьям, умывались в родниковой реке Волокуше и грелись у жаркого костра. Они ели кашу, приправленную дымом, и она казалась им необыкновенно вкусной. Они пекли лепешки из серой муки – пузырчатые, хрустящие, и, обжигаясь, съедали сразу. Они пили чистую, не травленную хлоркой воду – и легкий, туманный хмель, как вино, ударял в голову. Они были молоды и думали, что навсегда останутся такими, и что впереди будет много таких недель.

Нет, не знали они, что это был их последний отпуск на долгие годы вперед.

Глава третья

Нечистые игры

«Сжигание – это специальность новой молодежи. Границы малых государств империи так же были превращены в пепел огнем молодежи. Это простая, но героическая философия: всё, что против нашего единства, должно быть брошено в пламя».

Из книги «Гитлерюгенд»

1

Вернувшись в Берлин, Юстин весь день бродил по улицам, выпил кружку любимого светлого пива с сиропом, посмотрел фильм «Индийская гробница», только что вышедший на экраны. Цвели каштаны и липы. На площадях батальоны штурмовиков готовились к первомайскому параду. Рабочее время, а народу было непривычно много, как в воскресенье. Сытые счастливые лица, улыбки, красивая одежда, крепкая обувь... В магазинах выбор невелик, однако достаточен, чтобы хорошо питаться и не думать о завтрашнем дне. О будущем пусть заботятся фюрер и партия – силы высшего порядка. Гитлер точно угадал стремление своего народа. Он дал всем работу, обеспечил одеждой, сосисками и хлебом, указал цель. За это его и принял народ, за это боготворит. «Вся сила Германии – в единстве народа с партией и вождём», – утверждает Геббельс. Он прав. Только зачем столько слов, барабанов, мишуры? Перебор рождает недоверие. Неужели там, наверху, не понимают этого? Впрочем, когда свободное слово в печати и радио подавлено, то правительство слышит лишь собственный голос, оно поддерживает в себе самообман, будто чувствует голос народа. Пока немцы находятся под властью лозунгов и политического суеверия. Надолго ли?

Юстина потянуло к столу. Надо написать статью о необходимости трезвости в оценке международной жизни, отнести ее к Хаусхоферу и продолжать работу в его журнале. Хватит хлюпать носом! Быстрым шагом он направился к трамвайной остановке.

Дома на письменном столе оставался такой же порядок, что и прежде. Хозяйка квартиры ревностно следила за этим. Ее покойный муж тоже был журналистом и не позволял передвигать даже малой бумажки. Начинал Юстин с обдумывания заголовка. В нем должна быть выражена сущность статьи. От удачного заголовка появлялись дельные мысли. Помня о том, что проблема – это сформулированная боль самой действительности, он четкой готикой вывел название: «Боль нации».

Но долго работать не пришлось. Зазвонил телефон:

– Юстин? Я несколько раз пытался связаться с вами. Где вы пропадаете?

– Я приехал сегодня утром, господин Пикенброк.

– Знаю, вам бы следовало немедленно сообщить о приезде.

– Меня никто не обязывал. Людгер сказал...

– Людгера забудьте! Сейчас буду у вас.

Пики, очевидно, говорил из своего радиофицированного «опеля». Не прошло и пяти минут, как в прихожей послышались его шаги. Юстин открыл дверь. В этот раз Пикенброк был в армейской форме, как и его спутник-майор. Пики представил:

– Беербаум. Запомните этого человека. С ним вам придется работать.

Обменялись рукопожатием. Беербаум вручил тяжелую картонную коробку, молча поклонился и исчез.

– Что это?

– Презент от меня капитану Валетти.

– Капитану?!

– Да. Звание уже утвердил Браухич.

Тем же манером, каким набрасывал шляпу, Пикенброк кинул на оленье рога фуражку, расстегнул крючок на черном вороте френча.

– Конечно, я нарушаю уставные традиции, но в нашем ремесле они попросту вредят, – Пики развалился в кресле, вытянул ноги. – Что же вы не интересуетесь содержимым?

В коробке оказались две бутылки коньяка, яблоки и еще какой-то пакет. Юстин удивился:

– Откуда в апреле свежие фрукты?

– Представьте, несколько дней назад я срывал их в Севилье.

– С республикой в Испании покончено?

– Да. Теперь там наш человек – каудильо Франко.

– И в Праге тоже?

– Мы не бросаем слов на ветер.

Юстин развернул пакет. В нем оказались серебристые погоны с двумя кубиками и пачка рейхсмарок.

– Это ваши подъемные на устройство и пошив форменной одежды. Хотя... – Пики хитро блеснул глазами. – Хотя ваш тесть Марк Штаймайер может сшить бесплатно. Отчета о тратах не нужно.

– Какой тесть?! Я не собираюсь жениться на Линде!

– Придется. – Лицо Пикенброка стало серьезным.

Оглушенный Юстин опустил на стул.

– Неужели наша школа в Целлендорфе не отучила задавать вопросы? Отныне вы полностью принадлежите абверу. Да-да! С потрохами и головой. Отступники у нас долго не живут.

– Господин Пикенброк, я считал, что личная жизнь принадлежит мне...

– Уже не принадлежит, – отмахнулся Ганс. – Вы будете выполнять лишь то, что прикажу я или в мое отсутствие майор Беербаум. Налейте коньяку!

Юстин исполнил приказание.

– За капитана абвера! – Пикенброк качнул рюмкой и выпил до дна. – Так вот... Теперь мы приступим к настоящей учебе. Ход дальнейших событий вам известен. Вы сами писали об этом в «Цейтшрифт фюр геополитик». На очереди – Польша, Франция, Британские острова... Потом Россия... Не исключено, вы и Линда поедете туда. Будет легче, если вы на самом деле станете мужем и женой. Естественность отношений ни у кого не вызовет подозрений. Линда поможет вам с языком, ближе, чем школа в Целлендорфе, познакомит с русской историей, культурой, хозяйством. Вот почему я категорически требую оформить брак.

– Я не имел с ней связи с того самого дня...

– Это не имеет значения. Линда согласна. Просите ее руки у отца. Думаю, благословит и генерал Хаусхофер. Официально вы будете числиться у него.

Юстин понял, что пути назад нет. Абвер – организация серьезная.

– Основательной учебой по разведке займется Беербаум, – продолжал Пикенброк. – Это опытный работник, постарайтесь с ним поладить. Он научит тому, чего вы не сыщете ни в какой литературе. А Хаусхоферу дайте понять: хватит умствовать, высасывать из пальца разные теории, пора переходить к практическим делам. Серия обзорных статей по России, Франции, Бельгии, Нидерландам, южной Европе привлечет еще больше читателей.

Метаморфоза с Пикенброкком произошла поразительная! Куда девались весело поблескивающие глазки, добродушное выражение лица? Беззаботный простачок в потертой тирольке с крупной головой, несуразной для короткого туловища, болтунишка и острячок – таким он представлялся, пока Юстин не служил в абвере. Сейчас перед ним сидел жесткий, грозный человек, наделенный властью карать и миловать.

– И еще вот что... – проговорил Пикенброк, выбираясь из кресла. – О том, что вы абверовец, знают четверо: Хаусхофер, Линда, Беербаум и я. Больше ни одной живой души. Наши встречи должны носить прежний, приятельский характер.

– Когда я должен сдать первый отчет? – уклоняясь от колющего взгляда Пикенброка, спросил Юстин.

– Не тороплю. Главное, постарайтесь. Должен же я похвастаться перед адмиралом Канарисом своим протеже.

Закрыв за Пикенброком дверь, Юстин вернулся к письменному столу. «Боль нации» – зло усмехнувшись, прочитал он заголовок статьи, которую собирался написать. Хотел начать с великого флорентийца Маккиавели, утверждавшего, что высший смысл человеческого существования – в работе на благо государства. Маккиавели говорил о республике. Примером идеального государства он считал Древний Рим – там любой гражданин вдохновенно сражался и отвечал за благополучие своей родины, он безбоязненно высказывал свое мнение, пусть противоречащее большинству, не опасаясь преследований; он имел право на свободное выражение взглядов, поскольку право гарантировалось Законом. О каком праве можно говорить в «тысячелетнем рейхе», если власти, такие, как Пикенброк, и люди на более высоких постах, попирают в человеке личное достоинство, предпочитая управлять народом террором и страхом?!

Он смял листок, бросил в корзину. Спиной почувствовал: кто-то стоит на пороге. Оглянулся и увидел Линду. Она была в светлом платье с синеполосным матросским воротником, соломенной шляпке и белых туфлях. «Впрямь невеста!» – с неприязнью подумал Юстин. Открыла, конечно, своим ключом.

– Ну, здравствуй, – произнесла она спокойным и, как показалось, холодноватым тоном.

– Добрый вечер...

Она пошла по комнатам, всюду зажигая свет. Юстин в недоумении плелся за ней, пытался возбудить в себе раздражение, но гадливое ощущение собственного ничтожества не проходило, ругаться не хотелось, взрываться тоже, от теперешней Линды исходила опасность.

– Нет, с этой квартирой придется расстаться, – безапелляционно объявила она.

– Это ты так решила или вместе с Пикенброком? – съязвил Юстин.

Как будто не слыша этой реплики, Линда спросила:

– Будешь ужинать?

– Нет.

– Тогда спать. Завтра, пока ты будешь на службе, я займусь переездом.

– Послушай, Линда! Мы пока не объявляли не то, что о свадьбе, но даже о помолвке! – наконец позволил себе возмутиться Юстин.

– На днях сделаем и то и другое, – успокоила она, скрываясь в ванне.

Юстин сбросил ботинки и с яростью швырнул их в прихожую. Послышался шум воды. Линда открыла кран.

2

Разговор с Хаусхофером получился откровенным, даже, можно сказать, сердечным, если учесть строптивый характер генерала. Карл был доволен возвращением сотрудника на прежнее место. Он чувствовал, что его геополитика начала погрызать самое себя, теория затопталась на месте, а Юстин злободневными статьями внесет свежую струю. Польстила и робкая просьба быть шафером на свадьбе. «А мой умник даже не заикается о браке, хотя давно пора бы подумать об этом», – рассердился генерал на своего сына Альбрехта.

Марк Штаймахер – благообразный, прилизанный старичок – купил для молодоженов особняк на Ваннзее у Потсдама. Там селились зажиточные берлинцы. Как раз недавно прокатились по стране погромы. Из рейха бежали последние евреи. Цена на бесхозные дома упала. Имущество и недвижимость приняло на учет хозяйственное управление партии, оно распределяло освободившуюся жилую площадь заслуженным старым борцам. Марк припомнил, как во время ноябрьской революции 1923 года оказался в толпе нацистов и даже просидел с ними в камере около суток, пока его не выпустили. Троих сокамерников он отыскал, и они подтвердили его участие в движении. Правда, «Орден крови» добыть не удалось. Им награждались только самые видные борцы, знакомые фюреру лично. Тем не менее в хозяйственном управлении к просьбе промышленника и ветерана революции отнеслись благосклонно. Назвали несколько адресов. Марк остановился на Ваннзее. Наличные деньги он тратить не стал, а обязался выполнить заказ на рабочую форму для «Трудового фронта». У него оставалось около пяти тысяч комплектов солдатской одежды старого образца, купленной за бесценок у рейхсвера. После небольшой переделки брюки и френчи пошли в счет оплаты за особняк для Линды и Юстина.

Пока там шел ремонт, завозилась мебель, собиралась новая библиотека, Юстин жил у Линды в Далеме. Сюда ежедневно приходил майор Беербаум. В штатском он никак не запоминался, походил на мелкого служащего. Его уроки напоминали обычные беседы. Он начал сотрудничать с разведкой еще во времена Вальтера Николаи – начальника Третьего бюро разведки верховного командования германской армии. Вальтер держал своих агентов в строгости и трезвости. Умеренное жалованье, невидные должности, скромные чины не позволяли жить на широкую ногу. Учитывался каждый пфенниг. Растратчик возмещал убытки из своего оклада и нес суровое наказание, вплоть до понижения в звании. Если же сумма расходов на операцию вдвое-втрое превышала запланированную, а веского оправдания не было, то он отдавался под суд как уголовник. Вот почему Беербаум настойчиво призывал ни при каких обстоятельствах не тратить денег больше, чем может позволить обыкновенный человек. Мот сразу бросается в глаза.

Обычно майор рассказывал о каком-либо предприятии, задуманном разведкой, а потом подробно разбирал операцию: как она протекала, с какими трудностями пришлось столкнуться, чем отличалась от других, на что следовало обратить внимание. В основе любой операции лежал, как выражался Беербаум, ключ, «изюминка».

В двадцатых годах установились весьма тесные отношения между Германией и СССР. В малых городках России находились германские танковые и авиационные центры, где готовились командные кадры, поскольку по условиям Версальского договора немцы не имели права этого делать в Германии. Генеральному штабу потребовались географические карты восточных районов Белоруссии и Украины. Такие карты у рейхсвера имелись, но старые, дореволюционного времени. Хозяйственная деятельность основательно изменила облик этих земель – появились заводы, фабрики, выросли города, пролегали новые дороги. В районе одного из городков обучались летчики бомбардировщиков. Для полетов им выдавались карты-десятики-

лометровки. Эти карты значились на строгом учете. Штурман, получавший их, нес персональную ответственность перед особым отделом русских.

– Под видом инспектора рейхсвера я поехал на этот аэродром, – рассказывал Беербаум. – Здесь связался с нашим человеком, объяснил суть задания. Стали думать. Конечно, русские добры, гостеприимны и доверчивы, но не до такой же степени, чтобы позволить увести карты у себя из-под носа. Просто купить комплект карт за большие деньги было невозможно. Это не европейцы, деньги для них не играют особой роли. И на измену ради денег они не идут. В конце концов решились на авантюру. Наш человек подбирает надежный экипаж. Во время ночных полетов тот совершит вынужденную посадку. Место посадки мне скажут. Неподалеку от нее выпрыгнет штурман с парашютом. Он передаст мне планшет с картами, и я исчезну. Штурман уйдет к самолету, скажет, что во время прыжка планшет оборвался, он не смог его найти. Поднимется суматоха, неизбежная в таких случаях.

– Это слишком грубо, – проговорил Юстин.

– Не спорю. А как бы сделали вы?

– Можно было переснять карты в самолете или каком-либо укромном месте.

– У нас не было фотоаппарата.

– Так что же вы сделали?

– Главный ключик был в мальчишках.

– Каких мальчишках?

– Обычных деревенских. Они любят мастерить воздушных змеев, а карта превосходный материал для змея... Сделали так, как и задумали. Замечу, я пользовался свободой передвижения, так как инспектировал несколько аэродромов в этой зоне. В ту ночь выехал на автомобиле к месту предполагаемой посадки. Через какое-то время услышал грохот моторов. Фарами подал сигнал. Штурман опустился на пустое поле чуть ли не рядом, а самолет, это был нерадиофицированный «юнкерс», приземлился километрах в десяти дальше. Я забрал у штурмана карты, но несколько листов, которые для нас интереса не представляли, вложил обратно в планшет. Штурман пошел к месту посадки самолета, я проселком поехал в другую сторону. На рассвете далеко впереди себя увидел ребяташек. Они неслись быстрее жеребят. Я выбросил планшет на дорогу, а сам свернул в березовую рощу. Машину они не заметили, но планшет нашли, стали вырывать друг у друга. Кто-то заглянул внутрь – мигом растащили листы карт, навигационную линейку, карандаши, компас, ветрометр. К самолету они не побежали, иначе пришлось бы отдавать свалившееся с неба богатство, а повернули обратно.

Беербаум чуть улыбнулся:

– Дальнейшие события развивались, как по писаному. Штурман заявил о пропаже планшета, сказав, что, видимо, он оборвался в момент прыжка с самолета. Красноармейцы прочесали весь район, нашли одну карту. Мальчишки уже смастерили из нее змея. Удалось вернуть и кое-что из планшета. В особом отделе подумали, что карты просто-напросто разворовали ребяташки. Я по своим каналам переправил их в Берлин...

Назавтра майор говорил о другом.

– Если бы вы побывали у рейхсминистра Геббельса, то пришли бы в восторг от небольшого аппарата, сконструированного для него лично компанией «Телефункен». Через эту миниатюрную штуку доктор подключается к любой телефонной линии и подслушивает кого угодно. Однако оставим без внимания и этот чудо-телефон, и те шесть управлений, которые в его управлении ведают устной и печатной пропагандой, кино и театром. Нас интересует его седьмое управление – так называемое «Управление контрмер». Здесь собирают информацию со всего мира. Сюда поступают важнейшие издания, причем передаются через агентов или подставных лиц. Сотрудники абвера – люди тут не посторонние. Не собираюсь перетряхивать постельное белье, тем не менее скажу, что с женой Магдой у рейхсминистра отношения далеки от идеала. В их дела приходится порой вмешиваться даже фюреру. Большую часть времени

Геббельс проводит в холостяцкой квартире на Ранкештрассе, балуясь с какой-либо очередной кинозвездой. Но, серьезно говоря, эта квартира используется и для иных целей. Здесь принимаются люди, которых нежелательно видеть в стенах Министерства пропаганды. Эти люди подкупают иностранные газеты, распускают слухи, в качестве репортеров собирают разные сведения... Редактор «Ангриффа» фон Берг ездил в Австралию, пересек вдоль и поперек всю страну, посетил резидентов, установил контакты с японцами и представил в Берлин подробный доклад. Колин Росс из издательства Ульштейна был в США, сфотографировал заводы и военные порты и исчез, когда американские службы пошли по его следу...

– А вот как действуют кинокомпании, – оживился Беербаум. – Они часто предпринимают экспедиции, чтобы снимать либо документальные, либо художественные фильмы, которые требуют натурных съемок. Одна такая группа провела несколько месяцев на острове близ Чили, работая над фильмом «Робинзон Крузо». Не удивляйтесь, фильм так и не вышел на экраны, хотя остров отличался изумительными красотами. Главное, он находился в важном стратегическом месте, где могли отсиживаться наши субмарины... Германская фирма УФА взялась за производство дружественного фильма о Польше. Съемочные группы месяцами разъезжали по стране, перевели многие километры пленки. Фильм тоже не попал на массовый экран, а к нам в абвер...

– Вы, случайно, не знаете начальника радиопропаганды у Геббельса? – спросил однажды Беербаум.

– Нет, – отозвался Юстин.

– Ходамовский – ас радиоразведки. Он много времени проводит в разъездах по границам. Разумеется, под чужим именем. Понимая, что для эффективного радиошпионажа требуется много специалистов, он настоял на издании постановления об обязанности каждого молодого нациста, посылаемого за границу, проходить определенную техническую подготовку. Благодаря его стараниям сначала в Геттингене, потом в других городах стали создаваться радиошколы для членов гитлерюгенда... Вообще говоря, радио – подлинная находка для разведки. Мы строим радиостанции в Греции, Болгарии, Конго, Аргентине, Китае, Сиаме. Их обслуживают немцы. Они сообщают Германии важные сведения, вылавливают в эфире шифровки, направляемые в их адрес. Если раньше агенты сносились друг с другом посредством объявлений в газетах, то теперь они настраиваются на нужную волну, получают инструкции, передают кодированные донесения...

Служанка приносила обед. Майор не унимался и за столом. Он показывал, как держат вилку в Польше или у русских, о чем говорят в неофициальной обстановке, какие любят блюда и выпивку, почему, к примеру, чайную ложку после размешивания сахара обязательно вынимают из стакана, а где на это не обращают внимания. Каждый день он сообщал что-либо новое. Он не считал нужным что-то скрывать от Юстина, близкого самому Пикенброку.

3

В середине августа 1939 года квартиру в Далеме посетил Пикенброк – опять в тирольке, полувоенном френче.

– Собирайте чемоданы, – объявил он с порога. – Для вас выхлопотали два места в делегации Риббентропа, Линда будет вторым переводчиком, Юстин – советником по культурным вопросам.

– Куда едет Риббентроп?

– К Сталину. Германия хочет заключить с ним пакт о ненападении.

Новость ошеломила Юстина и Линду. Они знали о непредсказуемых скачках гитлеровской политики, предполагали, что фюрер, начав с Австрии и Чехословакии, готовясь к нападению на Польшу, будет и дальше направлять свои усилия на восток – на Прибалтийские республики и СССР. Что же остановило его?

– Мне не совсем понятен этот шаг, – откровенно признался Юстин.

Пикенброк приосанился:

– Вы учились в Целлендорфе и не могли знать о том, что фюрер провел еще одно совещание с руководителями военного, экономического и партийного аппарата. Он изложил дальнейшую стратегию рейха. Чехия превратилась в протекторат. Польша? Чувствуете, какую шумиху подняли наши газеты против коварства поляков? Вопрос о начале войны – дело нескольких дней, пока мы не накалим докрасна немецкий народ.

– Ну а падение Польши сделает более сговорчивыми Венгрию и Румынию, – договорил Юстин, начиная кое-что понимать.

– Именно так! Они волей-неволей включатся в нашу орбиту. Что же касается Югославии и Греции, то на них набросятся «Тосканские волки» Муссолини.

– И фюрер ничего не сказал на этом совещании о России?

– Ни единого слова!

– Надо полагать, уничтожение большевиков он отодвинул к более позднему сроку...

– Пока это мнение оставьте при себе. Вы же в составе миротворческой делегации!

– Что я должен сделать для абвера?

– Никаких заданий! Вы сотрудник «Цейтшрифт фюр геополитик», а в делегации советник по культуре. Вот и исполняйте свои обязанности.

Очень хотелось Пикенброку, чтобы Юстин или Линда привезли маленький контейнерок, спрятанный в «почтовом ящике» у одной из дач в Томилино по Казанской железной дороге. Уже прошло более месяца, как сверток заложил один ценнейший агент. Специального человека с таким разовым заданием посылать накладно, хотя и риска никакого. Приехал кто-то из них, взял и уехал. Ну а вдруг энкавэдэшники схватят за руку?... Когда Пики представил себе такую картину, то на его крутом лбу выступила холодная испарина и длинный хвостик волос, прикрывавший лысину от уха к уху, прилип к макушке. Гитлеру так хочется заключить пакт, что в случае неудачи миссии Риббентропа, он готов сам мчаться в Москву. А если провалится человек абвера, сопровождавший рейхсминистра, тогда ублюдки из гестапо вздернут на крюк не только его, Пикенброка, но и Канариса не пощадят. Нет, лучше потратиться на связного, чем искушать судьбу. Поэтому Пики и нажал на слова «никаких заданий». Дату отъезда Риббентроп назвать не мог. Это зависело от Сталина. Но он непременно вызовет Юстина и Линду на беседу.

– Готовьтесь к встрече с рейхсминистром, – сказал он, собираясь домой.

4

На инструктаж в Министерство иностранных дел на Вильгельмштрассе вызвали одного Юстина. О Линде речи не было. В назначенное время он вошел в кабинет помощника рейхсминистра и увидел Франца Хафе – приятеля по университету, которого звали «Колокольчик». Франк выделялся смазливой наружностью, чистым, как у подростка, голосом.

– Нехорошо забывать старых друзей, – с наигранной обидой произнес Хафе, выбегая навстречу. – Встречаемся только когда позовут.

– Простите, Франк. Дел по горло. Да и время горячее, не до вечеринок.

– Читаю ваш журнал. За вас радуюсь.

– Спасибо.

Хафе подал анкету, которую следовало заполнить здесь же в кабинете.

– Франк, со мной должна ехать Линда Штаймахер...

– Она вам кто? У нас, помнится, преподавала русскую историю...

– Невеста.

– С делегацией возникли осложнения. Фюрер настолько нетерпелив, что приказал рейхсминистру ехать не поездом, а лететь самолетом. Боюсь, для всех не хватит места.

– Франк! Постарайтесь... После возвращения у нас свадьба... Окажите честь.

В душе Хафе порадовался тому, что гордец и красавчик Валетти так униженно просит. «За него ходатайствует абвер. Значит, он там. Не надо упускать его из вида», – подумал Хафе, вслух же проговорил:

– Ладно, Юстин. Выложусь, но помогу.

Анкету он куда-то унес, вернулся минут через десять, сел за стол:

– В такой командировке вы впервые, позволю себе дать несколько советов.

– Разумеется, я не буду чавкать и сморкаться в салфетку.

– Бросьте шутить! – оскорбился Хафе и понизил голос: – Я хотел сказать о рейхсминистре.

– Извините, Франк, – поняв, что допустил ошибку, произнес Юстин.

– Рейхсминистр не любит, чтобы его поучали. Если вам что-то нужно подсказать, сначала просто намекните. Не поймет, тогда добавьте несколько слов. Когда до него дойдет, сделайте вид, что мысль исходит от него и исполняйте. Вам ясна тактика?

– Вполне.

– Рейхсминистра раздражают люди, которые вертятся перед глазами. Старайтесь быть в тени. Понадобится – позовут. Контролируйте действия рейхсминистра. Его может заносить. Очень осторожно исправляйте положение. Повторяю, очень тихо и тактично. Если русские поведут его в музеи, картинные галереи, театры, то заранее составьте краткую справку об объекте, порекомендуйте, на что обратить внимание, какие произнести слова, чтобы показать широту взглядов и образованность рейхсминистра. Не скупитесь на подарки. Подчеркивайте, что теперешняя Германия щедра и богата. Захватите несколько бриллиантовых серег, кольцо и кольцо для подношения русским «звездам» и женам важных лиц, если они окажутся на приемах. Драгоценности получите перед отъездом.

Хафе еще более понизил голос, заговорил почти шепотом:

– Учтите и слабость рейхсминистра. Он бывает неводержан в выпивке. Конечно, за ним будут следить его люди, но и вы, если уж случится такое рядом, постарайтесь обезопасить рейхсминистра от неприятностей. Сталин любит спаивать своих гостей.

На столе зажглась зеленая лампочка. Хафе вскочил:

– Рейхсминистр ждет вас. Идемте!

Коридором, устланным мягкой дорожкой, они прошли в приемную, где сидело несколько миловидных секретарш. Одна из них глазами показала на дверь. Громадный кабинет походил на конференц-зал. Паркетный пол. Вдоль стен – стулья с высокими спинками. Вдали за столом сидел прилизанный человек с удлинённым прямым лбом, свежим лицом, как после бритья и массажа. Прищурившись, Риббентроп осмотрел Юстина с головы до ног, проговорил довольно высоким баритоном:

– Я давно уважаю господина Хаусхофера. Ваш журнал выражает истинно немецкий дух и германские устремления.

Вдруг умолк, потеряв нить разговора.

– С господином Валетти мы учились в университете, – сказал Хафе, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Вот как! – вскинул брови Риббентроп. – Прекрасно, когда есть такие друзья.

Он полистал анкету, которую, видимо, читал перед этим, но успел забыть:

– Вы – член партии?

– С тридцать седьмого.

– Да-да, молодые борцы, неистовая смена... Надеюсь на вас.

Юстин собрался с духом:

– Господин рейхсминистр, мне легче будет выполнять свою миссию, если вы позволите включить в делегацию Линду Штаймахер, известную специалистку по России.

– Штаймахер? Слышал о такой. Кажется, она числилась в списке? – Риббентроп посмотрел на Хафе.

– Список пришлось сокращать, когда стало известно, что полетит самолет, – ответил тот.

– Все-таки постарайтесь удовлетворить просьбу господина Валетти.

– Слушаюсь, – Хафе поклонился, локтем тронул Юстина.

Они вышли в коридор. Франк высказал неудовольствие:

– О Линде могли бы не говорить.

– Извините, сорвалось.

– Вы подозрительно много извиняетесь. Если бы я не знал вас, то мог бы усомниться в искренности. Итак, берите минимум вещей и ждите звонка. Хайль!

5

Четырехмоторный «Кондор» должен был взлетать с аэродрома Темпельхоф. С вечера к нему стали собираться провожающие – журналисты, кинооператоры хроники, работники министерств, иностранные послы... На высоко задранном носу сидел механик с лампой-переноской – крошка в сравнении с громадой самолета – и копался в лючке. Летчики, радист и штурман стояли в стороне, переговаривались между собой. На рукавах их комбинезонов виднелся знак – бубновый туз, означавший, что они принадлежат к лучшему в люфтваффе Восьмому авиакорпусу Рихтгофена, выполнявшему все правительственные перевозки.

Работники службы безопасности осмотрели багаж членов делегации, проверили карманы и сумки, провели через толпу к самолету. Риббентроп с помощниками задерживался. Причины никто не знал. Скорее всего, фюрер отдавал последние распоряжения. Механик закончил свои дела и сполз на стремянку, по ней спустился на землю, подошел к летчикам, стал что-то объяснять. Экипаж пошел к своим местам в самолете.

– Садитесь и вы, – разрешил один из сотрудников СД.

Юстин и Линда разместились в последнем ряду.

Вскоре со стороны аэровокзала показался кортеж легковых машин.

Передний «опель-адмирал» мазнул по иллюминаторам ярким светом фар, остановился. Разом вспыхнули прожекторы, застрекотали кинокамеры, высокие чины сгрудились вокруг Риббентропа, чтобы позвать на прощание руку. Улыбаясь и позируя, рейхсминистр демонстративно отмечал одних и оставлял без внимания других. Наконец он легко взбежал по трапу, приветливо помахал рукой всей толпе. Один за другим заработали моторы. Вздрагивая на швах бетонных плит, «Кондор» порулил на взлетную полосу. Следом за ним двинулся трехмоторный «юнкерс-52» с техническими секретарями делегации. Когда взлетели, на земле открылось море огней. Миллионы радужных светлячков, то сгучиваясь, то разбегаясь, трепетали во тьме. По очертаниям огненных сгустков узнавались окраины Большого Берлина – Карлсхорст, Каульсдорф, Хоппегартен, Нейенхаген... Прижавшись лбами к холодеющему плексигласу, ни Юстин, ни Линда не предполагали, что такое обилие огней они видят в последний раз. Через полторы недели начнется война. Первые британские «ланкастеры» и «галифаксы», осторожно примериваясь, начнут бомбить германскую столицу, город все чаще начнет погружаться во тьму. Потом присоединятся «либерейторы» и «суперфортрессы» американцев – станет еще меньше огней. А окончательно потушат свет русские бомбовозы, когда поверженная Германия будет натягивать на себя белый саван. Но пока они просто любовались безбрежеством огней. Им казалось, что «тысячелетний рейх» отныне и навсегда утвердился в истории человечества, как в доюрские времена поднимались горы, рождались моря и океаны, крепла трепетная оболочка стратосферы, ограждая землю от космических лучей и жесткой солнечной радиации.

Понеслись хлопья облаков. Скоро «Кондор» вошел в тучи. Откинувшись на мягкие, из искусственной кожи, спинки кресел, они задремали. Сказались дневные хлопоты, нерво-трепки, суматошные сборы. Самолет садился в Кенигсберге на дозаправку горючим, взлетал снова, но они не слышали этого. Молодой глубокий сон неодолимо владел ими.

Их разбудила паника. Громадный самолет швыряло из стороны в сторону, точно он был пушинкой, а не весил десятки тонн. «Кондор» то набирал высоту, то валился вниз. Сквозь рев моторов снаружи слышались тугие хлопки, что-то сверкало. Побелевший Юстин прижал Линду к сидению. Распахнулась дверца пилотской кабины, в проеме показался борт-механик. Выждав момент, когда самолет выровнялся, он крикнул:

– У вас нет парашютов. Спасение зависит только от вашего спокойствия!

Юстин взглянул в иллюминатор. Кругом было белым-бело. Дрожа, по стеклу катились струйки воды. Надо полагать, летчикам удалось добраться до облаков и скрыться от прицель-

ного огня. Радист сообщил на землю, что самолет обстреляли в районе Великих Лук, просил принять быстрые меры по безопасности дальнейшего полета. Стрельба смолкла.

Освещенные косым светом уходящего дня, показались дачные поселки, непривычно огромные лесные массивы, вольно раскинутые пригородные деревни с огородами и садами, дороги, которые лучами сходились к русской столице. Посреди малахитового лесного острова проплыло белокупольное чудо Петровского дворца с круглыми башенками по бокам. Юстин вспомнил, что читал о нем. Когда большевики взрывали храм Христа Спасителя, под этот дворец тоже закладывали динамит, чтобы добыть кирпич для строительства парников в деревне Бурцево. Однако фугасы оказались бессильными – кирпич скреплялся раствором на яичных белках, как и соборы в Кремле, устоявшие перед саперами Наполеона.

Над стадионом «Динамо» «Кондор» заложил крутой вираж, заходя на посадочную полосу Центрального аэродрома. Самолет остановился, пилоты выключили моторы. В дверях первого отсека вырос Колокольчик – Франк Хафе.

– Внимание, господа! – крикнул он. – Рейхсминистр приказал: никому из русских про обстрел не сообщать! Ни протестов, ни заявлений не объявлять!

Бортмеханик открыл наружную дверцу, выдвинул трап. Из своего салона вышел Риббен-троп, торопливо пронесся по узкому проходу и спустился на землю первым. Со своего места Юстин видел, как навстречу ему двинулась большая группа штатских и военных из германского посольства. Впереди шел высокий человек в цилиндре с аккуратно подстриженными седыми усами. «Граф Шуленбург, – узнала посла Линда и встревоженно добавила, – странно, нет высокопоставленных большевиков...»

6

Полет Риббентропа в Москву для многих даже в Германии показался неожиданным. В Советском Союзе, очевидно, эта новость вообще прокатилась как гром среди ясного неба. Однако для Юстина достаточным оказалось сопоставить несколько фактов, чтобы прийти к убеждению, что этот шаг был задуман давно и проработан основательно. Решив сначала разделаться с Францией и Британией, фюрер начал искать пути сближения с Россией. На новогоднем приеме в рейхсканцелярии при обходе дипломатического корпуса он остановился перед советским посланником и чуть ли не полчаса подчеркнуто любезно разговаривал с ним. Мол, наступивший 1939 год будет памятным и для него, поскольку ему исполнится пятьдесят лет, и для Сталина, «ёльтерер брудер», «старшего брата», который отметит шестидесятилетие – самый мудрый возраст для вождя и политика.

Любопытная статья появилась и в журнале «Большевик». Некто «В. Гальянов» со знанием дела, веско и уверенно освещал международное положение. Привлекло внимание одно примечательное предупреждение в адрес Франции. Автор говорил, что она сама сделала все, чтобы ослабить значение франко-советского договора от 2 мая 1935 года, в то время как остается в силе Раппальское соглашение между СССР и Германией. И пусть теперь Франция в случае чего не рассчитывает на Советский Союз, а вспомнит собственное предательство в Мюнхене... Журнал прозрачно намекал на единственный выход для Франции – уступить Германии. Позже Юстин узнал, что под псевдонимом «Гальянов» выступал заместитель наркома иностранных дел Владимир Потемкин, лицо значительное в советском правительстве.

А тут еще последовала отставка наркома Максима Литвинова – решительного противника германского нацизма и убежденного сторонника системы коллективной безопасности в Европе. Вместо него на этот пост Сталин назначил Вячеслава Молотова, который, судя по всему, относился к Германии с гораздо большим уважением.

Наконец в июне главный сталинский идеолог Андрей Жданов опубликовал статью под заголовком «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Он призывал западную общественность поднять голос против козней «мюнхенцев». Примечательно, что автор ухитрился ни разу не упомянуть ни Германию, ни «фашизм», ни Гитлера, как бы убеждая Берлин в своей лояльности.

Значит, предположил Юстин, советско-германское сближение если не в деталях, то в принципе задумывалось давно и в прилете Риббентропа в Россию не было ничего неожиданного. В который раз он подивился смелости и проницательности фюрера в большой политике. Гитлер не разменивался на мелочи, рискованно шел ва-банк и срывал ставки. Гениально предчувствуя капризный характер «вождя народов», его ненависть к «англо-французскому империализму и международной социал-демократии», принимая во внимание трудности переговоров с англичанами и французами, которые вел маршал Ворошилов, а также учитывая беспокойство Сталина за дальневосточные границы, фюрер обезоруживал Россию перед нападением на Польшу. Ради этого он готов был отдать Советам Прибалтику, территории Западной Украины и Белоруссии. Советский Союз представлялся ему еще значительной силой. Несмотря на жестокие чистки и гибель почти всего командного состава Красной армии, численность отмобилизированных дивизий казалась достаточно впечатляющей. Не случайно такой знаток военной силы, не раз присутствовавший на русских маневрах, как командующий сухопутными силами вермахта фельдмаршал Вальтер Фон Браухич предупреждал Гитлера: если Франция и Англия решат помочь Польше, она все равно будет разгромлена, но если против Германии выступит Советский Союз, то германская армия наверняка потерпит поражение.

В Москве Юстин присутствовал на открытых переговорах и приемах, ходил в театры, видел несравненную молодую Уланову, восхитившую Риббентропа, наблюдал за осовиахимов-

цами, которые после тяжелой работы изучали оружие, учились летать на планерах и бипланах, прыгали с парашютных вышек. Он написал несколько теплых очерков о Советском Союзе. Хаусхофер опубликовал их сразу после подписания пакта.

Совсем на другое указал в отчете Пикенброку. По его убеждению, договор принес «третьему рейху» гораздо больше выгод, чем СССР. Правда, русским удалось в какой-то степени улучшить стратегическое положение страны, отодвинув западные границы на 250–300 километров. Время позволило сформировать новые дивизии, запустить в серию некоторые виды боевой техники, более или менее подготовить офицерский состав, выкошенный в предыдущие годы. Однако Германия получила несравненно больше благоприятных возможностей. Он привел факты. В отчете они выглядели так:

1. Оккупировав континентальную Европу, «третий рейх» включил в свой хозяйственный и военный оборот 290 миллионов человек. Разрыв между Германией и СССР в таком важном стратегическом факторе, как численность населения, изменился в нашу пользу.

2. Мы резко увеличили запасы военного сырья. Немало способствовали этому поставки из Советского Союза, предусмотренные договором. По экономической мощи рейх превзошел СССР в несколько раз.

3. Договор позволил увеличить и оснастить достаточным количеством боевой техники вермахт. Под ружье встало более 7 миллионов, количество танков выросло до 5640 и самолетов – до 10 тысяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.